Проф. И. БОРИЧЕВСКИЙ

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ НАУКИ

(НАУКА И МЕТАФИЗИКА)

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Р. В. Ц. Петербург.

Гиз. № 868. Отпечатано 4.000 экз.

850
31

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТР.

Глава I. Общее взаимоотношение науки и метафизики в XVII веке и в наше время 9

1. Философия—царица наук в XVII веке. Отзыв Спинозы. 2. Связь философии с положительной наукой в XVII в. Спиноза и Бойль. Роль опыта в теории познания Спинозы. 3. Современное положение школьной философии. Анархия в так-называемой теории познания и торжество метафизики. 4. Отсутствие связи с живой наукой в современной философии. Отзывы математиков Кутюра и Стеди. Мнение физика Больцмана. Обобщение. 5. Задача настоящего исследования: оценка философской анархии современности; размежевание между наукой и метафизикой. 6. Метод исследования: сопоставление и оценка двух наиболее показательных метафизических противоположностей.

Глава II. Общий очерк так-называемого критического идеализма (марбургской школы) 14

1. Три обещания критического идеализма. 2. Равнодушие к ним представителей науки. 3. Основоположение критического идеализма: основа бытия—чистое мышление. Призыв к Платону. 4. Замечание о марбургском Платоне. Его связь с Платоном действительным. Критический идеализм—карикатура на платонизм. 5. Основной признак критического идеализма—безусловный «*логизм*». 6. Сомнительность обещаний марбургской школы. Старинный отзыв Энгельса.

Глава III. Общий очерк так-называемого критического позитивизма (эмпириокритицизма) 18

1. Три обещания критического позитивизма. 2. Сдержанное отношение к ним представителей положительной науки. 3. Основоположение эмпириокритицизма: начала бытия—чистые ощущения. Возврат к Беркли. 4. Положительная связь эмпириокритицизма с берклеанством. Позитивизм эмпириокритиков — сокращенный список с берклеанства. 5. Основной признак критического позитивизма—безусловный *психологизм*. 6. Сомнительность обещаний эмпириокритицизма.

стр.

Глава IV. Марбургская философия математики и действительное математическое познание 22

1. Марбургские притязания на философию математики. 2. Платоново понимание математики как однозначной логической науки об *умопостигаемом бытии*. 3. Соответствующие взгляды марбуржцев. „Природа"—создание математики! Сравнение с Платоном. 4. Действительное существо математического познания. Математика как формальная наука о многообразиях *мысли*. Определение Грассмана. 5. Окончательное ниспровержение Платонова взгляда на математику ее современными достижениями. Математика как наука *условно-выводная*, безразличная ко всем вопросам бытия. Отзыв Стеди о марбургских потугах. Марбуржцы и Гегель. 6. Самоопровержение марбуржцев. Признание психологии рядом с всепоглощающей чистой математикой и другие непоследовательности.

Глава V. Эмпириокритическая философия математики и действительное математическое познание 26

1. Эмпириокритические притязания на истолкование математики. 2. Взгляд Беркли на математику как на многозначную науку о *чувственном бытии*. 3. Соответствующие взгляды Маха; сходства и различия. 4. Действительное существо математического познания. Математика, как наука о многообразиях *чистой мысли*, независимой от чувственной данности. Определение Грассмана. 5. Окончательное ниспровержение взглядов Беркли современной математикой. Ее независимость от чувственной данности: определение Рессела. Отзыв Кутюра о родственной эмпириокритизму попытке Канта основать математику на „наглядном созерцании". 6. Самоопровержение эмпириокритиков. Признание чистых законностей мысли рядом с «ощущением» и др. непоследовательности.

Глава VI. Марбургская философия математического естествознания и действительная наука 30

1. Постановка вопроса. 2. Марбургское изъятие всякой „данности" во имя неограниченной свободы чистого мышления. 3. Изгнание всякой „чувственности" из математического естествознания. 4. Сопоставление с действительной наукой. Значение чувственной данности—только *психологическое* в *чистой* математике: мнение Гаусса. Значение чувственной данности в *прикладной* математике — не только психологическое, но *логическое*: мнение Грассмана. Грассман и марбуржцы. 5. Противоречие марбургского учения всем данным развития естественно-научной мысли. Отрицательные отзывы даже в среде „философов". 6. Самоопровержение марбургского учения: постоянные вторжения чувственной данности в его построения.

стр.

Глава VII. Эмпириокритическая философия естествознания и действительная наука 36

1. Постановка вопроса. 2. Эмпириокритическое устранение всякого деятельного начала во имя чувственной данности. 3. Изгнание всякой самозаконности понятий из естествознания; экономия мышления не как вспомогательное пособие, а как верховное начало познания. 4. Сопоставление с действительной наукой. Значение общих понятий в естествознании не только *психологическое*, но и *логическое*. Отзыв Больцмана. Значение *метода* в естествознании как пример. 5. Противоречие эмпириокритического учения всем данным действительного развития естествознания: растущее освобождение физики от „ощущений". Отзыв Планка. 6. Самоопровержение эмпириокритического учения: признание и даже обоснование самодеятельности естественно-научного мышления у Маха.

Глава VIII. Вопрос о бытии внешнего мира. Марбургская философия и положительная наука 44

1. Постановка вопроса. 2. Марбургское отрицание бытия вне мышления. 3. Основной софизм критического идеализма: „противоречие" допущения бытия независимого от мысли. 4. Постановка вопроса в положительной науке: необъяснимость большинства так-наз. „закономерностей" опыта без предположения мира независимого от мышления. Мнение Стеди. 5. Предположение о внешнем мире в отдельных науках. Науки о природе неорганической: атомистическое учение. Отзыв Рамзэя. Первобытный дикарь и марбургское сверхкультурное мышление. 5-а. Астрономические вопросы. Размеры солнца и марбургское молчание. 5-б. Науки о природе органической. Теория развития и марбургское любомудрие. Превращение Дарвина в „полусознательного кантианца". 6. Самоопровержение марбуржцев: постоянные вторжения внешнего мира в их построения. 7. Вопрос о скептицизме. Критический идеализм и Спенсерово непознаваемое. Критический идеализм—разновидность скептицизма.

Глава IX. Вопрос о бытии внешнего мира. Эмпириокритическая философия и положительная наука. 51

1. Постановка вопроса. Два положения наивного реализма. Их противоречие. 2. Эмпириокритическое отрицание бытия вне ощущения. Эмпириокритическое и обывательское понятие «вещи» и «внешней причины». Учение Маха и подлинный наивный реализм. 3. Основной софизм эмпириокритической философии: убеждение в возможности чистого описания, не выходящего за пределы чувственной данности. Значение гипотезы в опытной науке. Мнения Стеди и Больцмана. 4. Постановка вопроса в положительной науке. Предположение мира независимого

СТР.

от опыта — требование самого же опыта. Учение Больцмана. Сходство и различие наивного реализма и реализма научного. 5. Предположение о внешнем мире в отдельных науках. Науки о природе неорганической: атомистическое учение. Его отрицание эмпириокритиками. Спор Маха с Планком. Отзыв Стеди. К. Тимирязев об Оствальде и Круксе. 5-а. Астрономические вопросы. Махово уравнение в правах первобытного дикаря, Птоломея и Коперника. 5-б. Науки о природе органической. Попытки примириться с Дарвином с помощью „примышлений“ и червяка. 6. Самоопровержение эмпириокритиков: философия мозга и всеобъемлющей материи. 7. Эмпириокритицизм — разновидность агностицизма. Неприемлемость последнего для живой научной мысли. Слова Эпикура.

Глава X. Вопрос о «сверхнаучном» (метафизическом) познании и марбургская школа 64

1. Постановка вопроса. 2. Марбургское понимание слова «метафизика». Борьба с „матерьялизмом“ естествознания. Уравнение науки со средневековым спиритуализмом. Марбургская борьба против метафизики — борьба против науки. 3. Понятие изначального мышления у Когена и Наторпа. Его „сверхнаучность“. Переход логизма в *мистицизм*. 4. Основные свойства марбургского изначала: всемогущество, вечность, бесконечность, всеединство. Упразднение всяких частных своеобразий (личность — совокупность правил). Сравнение марбургского божества с богом Моисея и Канта. 5. Вторжение „вещественности“ в марбургское богоучение. Появление противоречия между изначалом и миром. Переход монизма в дуализм. 6. Божество как „чистая идея“ и потусторонняя сущность. Колебания марбуржцев между обоими понятиями. 7. Научное решение вопроса о боге. Отсутствие бога в природе. Наука — созидательница искусственной действительности. Наука — установительница согласия между человеком и природой. Бессилие религии и метафизики; их зависимость от науки и независимость науки от их заблуждений (мнения Марселена Бертло).

Глава XI. Вопрос о сверхнаучном (метафизическом) познании и эмпириокритицизм 75

1. Постановка вопроса. 2. Эмпириокритическое понимание слова метафизика. Сопогребение науки и средневекового спиритуализма (описание Стеди). Эмпириокритическая борьба против «метафизики» — борьба против науки. 3. Понятие изначальных ощущений у Маха. Их „сверхсознательность“. Переход психологизма в *мистицизм*. Сравнение с прообразами (идеями) Беркли. 4. Основные свойства эмпириокритического всеощущения: всемогущество, вечность, бесконечность, всеединство. Упразднe-

СТР.

ние всяких своеобразий (личность — совокупность ощущений). Сравнение с марбуржцами. 5. Вторжение „вещественности" в эмпириокритическое богоучение. Появление противоречия между постоянством „элементов" и неустойчивой действительностью. Переход монизма в дуализм. 6. Божество как действительность и божество как „возможность". Соединимость эмпириокритицизма со спиритуализмом и даже со спиритизмом. Махисты и имманенты. 7. Научное решение вопроса. Человеческая деятельность как одна из сил природы, изменяющая самое природу. Грядущее исчезновение религии и метафизики (мнение Карла Маркса).

Глава XII. Общие итоги. Различие между метафизикой и наукой . . 86

1. Постановка вопроса. 2. Предрассудок *логизма* и действительная математика. 3. Предрассудок *психологизма* и действительное естествознание. 4. Предрассудок *агностицизма* и научное познание в целом. 5. Предрассудок *мистицизма* и научное познание в целом. *Антропоморфическая телеология* и творческое вмешательство науки в жизнь природы. 6. Общий оттенок всех четырех основных метафизических предрассудков: ущербление внутренней природы и предметной силы научного познания в его *целом*. 7. Отличие метафизических заблуждений от заблуждений науки. Отзывы Энгельса и Больцмана. Заблуждения внутри науки и заблуждения вне науки, взятой в целом. 8. Многосмысленность слова „метафизика". Произвольность его определения в сверхфилософской литературе. Узость его понимания в литературе научной. Необходимость учитывать не только различие *предметов*, но и различие *методов* метафизики и науки. Определение понятия: „метафизика" как противоположность науки, взятой в ее *целом*.

Глава XIII. Общие итоги. Различие между метафизикой и философией науки 93

1. Постановка вопроса. 2. Первое основное сверхфилософское течение: сочетание предрассудков логизма и агностицизма *(трансцендентальный идеализм)*. Его противоречие живой научной философии (философии математики). 3. Второе основное сверхфилософское течение: сочетание предрассудков психологизма и агностицизма *(феноменализм)*. Его несогласие с живой научной философией (философией естествознания). 4. Третье основное сверхфилософское течение: сочетание предрассудков *логизма* и *мистицизма (трансцендентный идеализм)*. Его безусловная несовместимость с положительным знанием. 5. Четвертое сверхнаучное „философское" течение: сочетание предрассудков *психологизма* и *мистицизма (интуитивизм)*. Мистицизм как предмет психопатологии. 6. Общий вывод о сверхнаучной философии. 7. Отли-

СТР.

чие сверхнаучного и научного понимания *единства* мировоззрения. Предрассудок о роли „разума" в метафизике (отзыв Карнисского о Кантовой „критике" и выросшей на ней немецкой метафизике). Медленное и постепенное завоевание „единого" мировоззрения в положительной науке. Отзывы Энгельса и Рамзая. 8. Многосмысленность понятия „научная философия". Его метафизические извращения. Безусловная *внутринаучность*—основной признак философии науки. Определение Антоньо Лабриолы. Болезни роста науки и тщетное использование их метафизикой и религией. Самодовление науки (отзывы Тимирязева и Ренана).

Глава XIV. Общие итоги. Основоположения философии науки . . . 102

1. Двойственная природа мышления. 2. Два вида его изучения (логическая и психологическая точки зрения). 3. Два рода научных суждений. 4. Сущность *чистого* мышления. 5. Сущность *опытного* мышления. 6. Предпосылка опытного мышления (научный *реализм*). 7. Два вида наук: науки чистые (формальные) и опытные (реальные). 8. Деление *формальных* наук (*логика* и чистая *математика*). 9. *Единство* научного мышления в формальных науках (задача логики). 10. *Внутреннее* могущество „разума" в формальных науках. 11. Деление *опытных* наук (науки *естественные* и *общественные*). 12. Своеобразие и *единство* предметов опытных наук (*монизм* опытных наук или *материализм* в широком смысле). 13. *Внешнее* могущество человеческого разума в опытных науках (*эксперимент* в естественных науках; революционный *социализм* в обществознании). 14. Основная предпосылка научной этики и эстетики. 15. Общенаучный монизм. Самодостаточность философии науки. 16. Упразднение религии и метафизики философией науки.

Заключение. Общее замечание о методах установки классификации наук. Определение места „спорных" наук. Историческая независимость науки не только от *метафизики*, но и от *метафизиков*. Отзыв Спинозы. Связь с древней философией науки (мнение Рамзая). „Вперед вместе с Эпикуром"!

Приложение 113

ГЛАВА I.

1. „Я не предполагаю, что нашел лучшую философию — но я знаю, что нашел истинную. Меня спросят, откуда я это знаю. Отвечу: тем же путем, как и вы знаете, что сумма углов треугольника равна двум прямым. Достаточность этого не станет отрицать никто, чей мозг в порядке“ [1]). Это знаменитое заявление Спинозы чрезвычайно показательно для его времени. На заре современной научной мысли, в семнадцатом веке, наиболее выдающиеся умы были проникнуты глубочайшим убеждением, что истина философии может стать предметом такой же строгой и прочной науки, как чистая математика. Философия считалась царицей наук.

2. И она, действительно, заслуживала такого названия. Она хранила самую тесную, неотделимую связь с положительным знанием. Каждый философ был в то же время математиком или естествоиспытателем; каждый представитель положительной науки был в то же время философом. Превосходным образчиком может служить т.-н. шестое письмо Спинозы. Речь идет не более не менее как о „селитре, текучести и твердости“ [2]); великий философ разбирает частное опытное исследование великого физика Роберта Бойля. И словно в насмешку над последующей идеалистической легендой о крайнем рационализме Спинозы, все содержание письма посвящается подробному, строчка за строчкой, строго научному разбору опытов и обобщений ученого физика. Спиноза сопоставляет их с прежде установленными научными данными [3]), старается определить степень их

---

[1]) Eodem modo, ac tu scis tres Angulos Trianguli aequales esse duobus rectis, Spin. ep. 76.

[2]) De nitro etc.

[3]) Ex. gr. de nitro § 13; de fluid. ad § 23; de firmit. § 7 etc.

математической обработанности [4]); наконец, не довольствуясь этим, он производит целый ряд самостоятельных опытов [5]). Беспристрастный читатель с удивлением видит, как мнимый „рационалист", проповедник безусловной бесконечности, упрекает естествоиспытателя в преждевременных обобщениях, неоправданных опытом [6]). „Хорошо, если будет даваться тщательнейшее и точнейшее описание каждой жидкости. Я считаю это сугубо полезным для познания их своеобразных различий; а это дело, как высоко необходимое, весьма желательно всем философам" [7]). И это не случайное заявление Спинозы. Достаточно сослаться на обстоятельство, упорно замалчиваемое его идеалистическими толкователями. Излагая свою теорию познания в „Трактате об усовершенствовании разума", он считает одной из своих задач—„указать пособия, которые все клонятся к одному: мы должны выучиться пользоваться нашими чувствами и делать по строгим законам и в порядке те опыты, кои достаточны для установки исследуемой вещи" [8])...

3. Итак, союз науки с философией был в семнадцатом веке живою действительностью. Обращаемся теперь к нашей современности. Прежде всего, само собою поднимается вопрос: может ли вообще современная „философия" заявлять какие бы то ни было притязания на прежнее „царственное" положение? Исчерпывающий ответ находим у беспристрастного историка современной философии, издателя самого влиятельного в Германии философского журнала. По словам этого несомненного знатока, необходимо открыто признать, что ныне в области философии царит смятение, которое заслуживает имени анархии. Современные „философы работают без внимания друг к другу; напротив, они даже намеренно пренебрегают

---

[4]) De nitro l. c.

[5]) Особенно любопытны первый и третий опыты с селитрой.

[6]) Ex. gr. de firmit. § 7.

[7]) Si de unoquoque liquore quam acuratissime, et summo cum fide fieret, ipsam utilissimam judicarem ad eorum peculiares differentias intelligendum; quae res, ut summo necesseria, omnibus philosophis maxime desideranda, ib. de fluid. § 23 ex.

[8]) Ea auxilia tradamus, quae omnia eo tendent, ut nostris sensibus sciamus uti, et experimenta certis legibus et ordine facere, quae sufficiunt ad rem quae inquiritur, determinandam, de intell. emend. p. 31 (V.—VI.[3]).

друг другом. Их производительность весьма значительна; но тысяча молний не создадут и одного солнца; нет такого гения, который смог бы привлечь все дарования к своей триумфальной колеснице [9]).

Такой же, приблизительно, отзыв дает и другой современный наблюдатель. После полного банкротства идеалистической метафизики, ее поклонники попытались создать особую науку под именем „теории познания". Однако, поскольку эта мнимая наука уклоняется от обычной описательной логики, она целиком разделила участь своей предшественницы. Перед нами целая толпа многоразличных друг друга исключающих школ. Нет согласия не только об итогах этой науки—нет даже сколько-нибудь общепризнанного общего метода. Даже школы, стоящие на одинаковой идейной почве, создают учения взаимно исключающие друг друга. Самое право существования „беспредпосылочной", неметафизической теории познания решительно оспаривается; провозглашается возврат к старым метафизическим стремлениям. В итоге вся пресловутая „теория познания" оказывается банкротом, и философия отдается на полный произвол личных убеждений [10]).

4. Такова та картина, которая развертывается на очень любопытном фоне—на фоне тех поистине величественных успехов живой научной мысли, которые сделали последнее столетие веком естествознания и чистой математики. Стоит ли после этого доказывать особо, что т.-н. современная философия утратила всякую живую связь с наукой? Только в целях большей наглядности приведем несколько отзывов общепризнанных представителей положительной науки. Подводя итоги изумительному развитию современной математики, его французский излагатель отмечает, что все попытки „философов" во главе с Кантом навязать свои измышления положительной науке кончились самым блестящим крахом: разум взял свое, порвал строгие рамки и схоластические формулы, и положительное знание восторжествовало [11]). Таково же мнение выдающегося немецкого математика. По его решительному заявлению, все „философские" попытки противопоставить положительной науке особую, отличную от нее теорию

[9]) Cf. L. Stein, Philos. Stroem. d. Gegenw. (1908), Vorr.

[10]) Cf. M. Frischeisen-Koehler, Die hist. Anarchie d. philos. Systeme etc., Z. f. Ph. u. ph. Kr. 131 p. 75.

[11]) Couturat, Les princ. des mathém. p. 307 sq.

познания надо считать окончательно сокрушенными. „Основоположения, которые великие естествоиспытатели воплотили в своей научной работе, сохраняют неослабленное значение. Идеализм, позитивизм и прагматизм... не смогли поставить на их место ничего пригодного“ [12])... От математиков обращаемся к естествоиспытателям. Особенно показателен отзыв одного из самых даровитых физиков нашего времени, Людвига Больцмана. Упомянув о „неясном, бессмысленном словоплетстве“ Гегеля, ученый ссылается на признания Шопенгауера, что пресловутая немецкая философия „носит бремя презрения, осмеяна за границей, извержена из честной науки наподобие блудницы“... Даже наиболее трезвые немецкие метафизики, вроде Гербарта, по мнению Больцмана, не идут дальше „насмешки на соответствующее построение в точных науках“ [13]). Метафизические потуги—продолжать что-то выводить, когда выводить уже нечего—Больцман сравнивает с бесцельным сосанием ребенка или с приступом рвоты у человека, страдающего мигренью: „у него позыв что-то вывести из желудка, в котором уже ничего не находится“.

Остроумный ученый приводит строки Грильпарцера:

Рассудок с мельницей сравню я,
Что мелет все—муку любую.
Но если зерен не хватает,
О жернов жернов трется всуе,
Лишь сор, песок и пыль рождает [14]).

Стоит ли после этого ссылаться на других представителей положительной науки—от физика Рамзэя до биологов Вагнера и Тимирязева? Все последовательно-мыслящие ученые, не зараженные идеалистическими предрассудками, единодушны в своем приговоре.

5. Стоящая перед нами задача выступает с достаточной ясностью. Во-первых, в чем сущность того безначалия, которое царит в шумном и воинственном, но разбросанном и бессильном лагере т.-н. философии? Где искать причин, превративших „царицу наук“ в Шопенгауерову блудницу, извергнутую из честной науки?

---

[12]) Study, Die real. Weltansicht, p. 54.

[13]) Eine Persiflage auf die analogen Rechnungen in den exakten Wissenschaften, Boltzmann, Pop. Schr. p. 341.

[14]) Boltzmann ib. p. 400: Brechreiz bei Migraene etc.

Во-вторых, в чем заключается отличие школьной философии от живой научной мысли? Каковы те главнейшие требования положительного знания, которые позволяют ему с таким презрением отвергать все плоды философского древа?

Все эти вопросы сами собой намечаются только что сделанной справкой из истории научного мировоззрения; упреждать дальнейшее нет необходимости.

6. Постараемся теперь определить *метод*, которому обязано следовать наше изложение. Если бы мы захотели разбирать все огромное множество философских течений—нам пришлось бы писать многотомную работу: болезнь, которую Больцман именует духовной мигренью, разнообразием своих обнаружений превосходит любой иной человеческий недуг. Столь же широко раздвинулись бы рамки нашего исследования, если бы мы не ограничили второго вышеотмеченного задания. Живая научная мысль переживает сейчас время бури и натиска, с обычными для него потрясениями и колебаниями. Поэтому мы поступим следующим образом. Среди многообразных обнаружений современной духовной мигрени мы выберем два наиболее показательных и наиболее противоположных по своему содержанию. Их сопоставление даст нам возможность установить общие законы, управляющие всей болезнью. Далее, чтобы не уклониться от кратчайшего пути, ведущего ко второй вышеотмеченной задаче, мы постараемся, чтобы оба избираемых метафизических прообраза были наиболее удобны для размежевания между наукой и метафизикой. Для этого, очевидно, лучше всего избрать такие течения „философии“, которые хотя бы внешне стремились опереться на положительное знание. Тогда достаточно будет простой их оценки, и водораздел между научной философией и метафизикой наметится сам собою. А пока закончим словами великого физика, Роберта Майера: „мы сознаем хорошо, что вступаем в борьбу с предрассудками, прочно укоренившимися; что мы хотим изгнать последние остатки богов из естествоучения. Но мы знаем также, что природа в своей простой истине выше и прекраснее, чем всякий рукотворный образ и чем все кажимости смертного духа“! [15])

---

[15]) R. Mayer, Die Mech. d. Waerme, p. 33: die Natur in ihrer einfachen Wahrheit groesser und herrlicher ist, als jedes Gebild von Menschenhand und als alle Illusionen des erschaffenen Geistes.

ГЛАВА II.

1. Среди многочисленных струй и струек, на которые распадается пестрый поток современной „философской“ мысли, одно из первых мест занимают так-называемая марбургская школа и эмпириокритицизм. Они-то и будут главным предметом нашего исследования. Основания, оправдывающие наш выбор, в дальнейшем выступят сами собою. Поэтому мы непосредственно приступаем к делу. Начнем с марбургской школы. По словам одного из ее поклонников, она представляет собою воплощение научности. Опираясь на основные достижения Кантовой критики, новая школа чуждается якобы всякого догматизма. Она ничего не имеет—точнее, ничего не желает иметь общего—с личными взглядами Канта на бога и мир; ей совершенно чужды три знаменитых постулата—бог, бессмертие и свобода—словом, вся та двойная бухгалтерия, в которой так часто упрекают Канта противники метафизики. Неокритицисты вообще не отождествляют себя с системой Канта. Средоточием для них является не философия Канта, а его философствование: их влечет к нему не содержание его учений, а то, что им кажется наиболее плодотворным у кенигсбергского профессора— его „критический метод“ [1]). А последнему присущи три неотъемлемых достоинства. Во-первых, он провозглашает основной философской наукой логику или критику познания, которая хочет иметь своей основой прочную данность самой науки—математики и математического естествознания. Во-вторых, он стремится установить подлинные познавательные права науки, действительные условия общеобязательного знания; этим самым он ограждает науку от всяких вторжений бескрылого скептицизма. Наконец, в-третьих, он определяет точные границы, внутри которых познание вправе заявлять притязание на истину; требуя строгой проверки познавательных правомочий, он резко отделяет науку от метафизики, разоблачая последнюю под всеми ее скрытыми или полуприкрытыми обнаружениями. Обоснование на науке, преодоление скептицизма, изгнание метафизики—вот три боевых клича, аршинными буквами начертанные на всех знаменах марбургского воинства [2]).

[1]) Cf. ex. gr. Vorlaender, Kant u. Marx, p. 119.

[2]) Cf. Natorp, Ph. Prop.[2] T. 1.

2. На первый взгляд перед нами действительно научная философия, чуждая всякой метафизики и вполне достойная восторгов одного венского марксиста, который увидел в ней торжество познавательно-критического монизма, окончательное преодоление дуализма тела и души, духа и материи [3]). Однако, только очень немногие представители положительного знания пошли так далеко. Несмотря на все торжественные обращения к математике и математическому естествознанию, новая школа вряд ли может указать хотя бы одного видного представителя точной науки, который заявил бы о своем согласии с ее построениями. И очень показательно, что если она и нашла некоторый отклик, то лишь среди обществоведов — представителей науки наиболее далекой от сколько-нибудь общепризнанного и устойчивого метода. Но и здесь ей не пришлось пожать обильную жатву: наиболее видные представители молодой общественной науки обошли новое откровение полным молчанием, или даже отвергли его самым недвусмысленным образом. Мы еще не раз убедимся в дальнейшем, что все философски-самостоятельные представители положительного знания, успевшие высказаться о марбургской „Философии", единодушны в своем приговоре...

3. Действительно, знакомясь с руководящими положениями школы, мы с самого же начала наталкиваемся на странное явление. Мы слышим из уст ее вождей, что все их исповедание веры было уже прекрасно обосновано за две тысячи лет до нашего времени; ее основоположником оказывается не кто иной, как знаменитый Платон, религиозно-политический публицист IV в. до Р. Х. — „Философ", которого идеалистическая легенда доселе провозглашает „великим" и даже „величайшим" мировым гением. В чем же состоит, по мнению Наторпа, сущность Платоновского идеализма? „Бытие и небытие могут быть только бытием мыслимого" [5]). В другом месте Наторп выражается еще яснее: „Мерило того, что и как существует, должно лежать в самом мышлении,—ибо само бытие лежит только в нем" [6]). Вся сущность Платонова учения исчерпывается

[3]) M. Adler, Marx als Denker (1908).

[4]) Natorp, Platos Ideenlehre; cf. idem, Vortrag ueber Pl. Id. (1914).

[5]) Sein u. Nichtsein (kann) jedenfalls nur Sein eines Gedachten bedeuten, Vortrag p. 8.

[6]) Eben das Sein selbst nur im (Denken) liegt, ib. p. 9; cf. Ideenlehre, passim.

тем, что оно есть „неограниченное равнополагание чистого бытия и чистого мышления“ [7])... Такого же мнения придерживается и сподвижник Наторпа, Коген. „Платон отбрасывает простодушие своих предтеч; его отрезвление заключается в том, что он выводит на свет вечную основомысль научного разума: *мышление создает основы бытия*“ [8]). Эти слова подчеркиваются, как особенно существенные: в них заключается основная идея марбургской школы. Нет бытия вне мышления. Бытие есть создание мышления...

4. Не будем подымать вопроса, насколько основательно приписывать все эти плоды чистого мышления отцу религиозной метафизики Платону. Отметим мимоходом, что с точки зрения Наторпа, платоновский Сократ с холодным спокойствием встречает смерть не столько потому, что он убежден в обывательском бессмертии души, сколько потому, что он считает время и смерть простыми созданиями чистого мышления. Все величие Сократа, — действительно, раздутое идеалистической легендой,—заключается просто в том, что в 399 г. до Р. Х. он сумел стать учеником Когена и приват-доцентом марбургского университета [9])... Однако, если оставить в стороне научную ценность исторических построений Когена и Наторпа, нетрудно показать, что они не напрасно взывают к Платону. В самом деле. Мы уже слышали от них, что основополагающей философской наукой является *логика* или критика познания. Что же разумеют они под „логикой“? Мышление созидает все виды бытия. То, что положительная наука именует „природой“, есть некоторое „бытие“. Отсюда ясно, что суждения чистой мысли должны порождать „все содержание природы“. А логика есть наука чистого мышления; значит, задача порождения природы целиком предоставляется логике. Чистая логика оказывается не только наукой о бытии—она сама созидает все бытие. Т.-н. природа есть только часть логики...[10]). Не будем продолжать выписок: для понимания общих оснований марбургской философии достаточно и сказанного. Она не напрасно взывает к Платону. Правда, Платон действительный и Платон марбургский так же мало походят друг на друга, как древний эллин-

---

[7]) Ib. p. 11; Ideenlehre, passim.

[8]) Das Denken erschafft die Grundlagen des Seins, Cohen, Log. d. r. Erk. p. 18.

[9]) Критику марбургского Платона см. у Gilbert'a, Gr. Rel. p. 322, etc.

[10]) Ср. гл. IV, с. 23 прим. 4.

ский аристократ на современного немецкого профессора философии. Однако, в их воззрениях все же имеются общие черточки. Для Платона, как для всех богословов, природа есть создание божественной мысли; для марбуржцев она есть создание „логической“ мысли. Для Платона весь мир существует лишь в той степени, в какой он причастен божественной сущности; для марбуржцев—бытие мира есть бытие в недрах логики. Словом, если марбургский Платон есть карикатура на Платона действительного, то и все марбургское учение есть карикатура на платонизм.

5. Однако, именно карикатура здесь очень кстати. Она бросает как нельзя более яркий свет на основное устремление марбургского творчества. Перед нами очень последовательная и выдержанная связь мысли. Все мыслимые виды бытия растворяются в некоторой разновидности духовного бытия—в чистой логической мысли. Все возможные науки о бытии заранее поглощаются единой наукой, самодовлеющей и всеисчерпывающей—чистой логикой... В этом смысле марбургское учение есть провозглашение самодержавия „логики“.

6. В начале настоящей главы мы познакомились с тремя торжественными возвещениями марбургской фирмы. В дальнейшем нам не раз еще придется сопоставить, слово и дело, обещание и выполнение. Но уже теперь можно заранее усомниться в их соответствии. Нам возвещается обоснование на положительной науке; оно оказывается растворением всех наук в чистой логике. Нам говорят о преодолении скептицизма; оказывается, что оно состоит в отказе от всех видов мышления, кроме того же односторонне-логического метода. Наконец, нам обещают окончательное сокрушение метафизики—и для этого призывают нас вернуться к религиозно-метафизическому публицисту, родоначальнику всех учений, враждебных положительному знанию. Невольно начинаешь опасаться, что имеешь дело не с научной философией, а с той развязной лженаукой, о которой еще полвека тому назад Фридрих Энгельс писал [11]): „В настоящее время она всюду выступает на первый план и все заглушает грохочуще-звенящим кимвалом. Кимвал, звенящий повсюду, кимвал, звенящий с притязанием на превосходство и глубину

[11]) Engels, Anti-Duehr.[5], p. 9 Vorw.

мысли... Кимвал звенящий—самый показательный оптовый товар немецкой духовной промышленности, дешевый, но скверный".

ГЛАВА III.

Обращаемся к эмпириокритицизму. По определению одного из вождей школы, научная мысль выступает повсюду в двух главных видах: как мышление философа и как мышление частного исследователя. Первое стремится к наиболее полному, мирообъемлющему обзору совокупности данностей; второе имеет дело с определенною частною областью данного. Однако, философ обязан строить свое здание на основе частных научных исследований: точно так же и естествоиспытатель не может обойтись без сопоставления своей области с другими и обязан делать займы у философского мышления. Таким образом, цель всякого научного исследования едина [1]). Частные науки требуют философского обобщения, а философия может и должна опираться только на прочные данные научного исследования. Основоположник эмпириокритицизма, Эрнст Мах, идет даже настолько далеко, что решительно отделяет себя от большинства „философов": „Я объявляю открыто: я не философ, а естествоиспытатель" [2]). Все сторонники нового учения хотят видеть в нем не особую мнимо-самостоятельную науку, а только „теорию познания естественно-научного исследования современности" [3]). Исходя из столь похвальных намерений, эмпириокритицизм объявляет себя решительным врагом всякой метафизики. Все понятия и представления, выходящие за пределы положительного знания, должны быть удалены из научного обихода. И более пламенные поклонники нового учения убеждены, что ему удалось выполнить всю сложную и почетную задачу очищения науки: устраняя все метафизические пережитки, эмпириокритицизм заканчивает целую полосу мышления, длившуюся много тысячелетий, и разрешает главную задачу прежней философии [4])... Само собой разумеется, столь дерзновенное и всесокрушающее учение решительно отмежевывается от всяких метафизических ублюдков, вроде пресловутой философии

[1]) Mach, Erk. u. Irrtum², p. 4.
[2]) Ib. p. 7 Vorw.
[3]) Kleinpeter, Die Erkenntnis th. d. Naturforsch. d. Gegenw., etc.
[4]) Мнение Petzoldt'a.

Канта [5])... Наконец, в качестве философии естественно-научного исследования, эмпириокритицизм менее всего склонен рассматривать мир как непознаваемое нечто: напротив, отмечая непрерывный рост приспособления человека к окружающей среде, он нисколько не сомневается в полной возможности „действительного познания“ [6])... Словом, на эмпириокритическом знамени стоят те же слова, с которыми нас уже познакомила марбургская школа: обоснование на положительной науке—упразднение метафизики—преодоление скептицизма.

2. Не удивительно, что казовая сторона эмпириокритических творений соблазнила и до сих пор продолжает соблазнять представителей положительного знания. Согласно признанию Планка, некоторые естествоиспытатели, в том числе и он сам, были одно время решительными сторонниками Маха: их привлекало именно торжественное объявление похода против метафизики [7]). Еще большее впечатление произвели Авенариус и Мах на представителей общественной науки, которая до сих пор еще не нашла себя и очень уязвима для посторонних вторжений. Как и марбургская школа, эмпириокритицизм стал предметом благосклонного внимания даже со стороны представителей самого передового общественно-научного течения—исторического материализма: нашлись марксисты, особенно в России, которые попытались связать имя Эрнста Маха с революцией [8]). Однако, увлечение отнюдь не было всеобщим. Сам Мах вынужден был признать, что лишь немногие естествоиспытатели за ним последовали [9]); да и наиболее рьяные последователи, вроде Оствальда, впоследствии отказались от своих взглядов. Более стойкими оказались обществоведы; но и в их среде „махизм“ нашел вскоре последовательных и непримиримых противников...

3. В самом деле, в чем заключается сущность эмпириокритического метода? По определению Маха, научный опыт слагается из переживаний — телесных и духовных (физических и психиче-

---

[5]) Mach, ib. p. 7 Vorw., Note.

[6]) Mach, ib. p. 462.

[7]) Planck. Zur Machschen Theorie, Vierteljahrsschrift f. wiss. Phil. 34 p. 498.

[8]) Богданов, E. Mach u. Revolution, N. Z. 26, 1, 698.

[9]) Mach, ib. p. 4.

*

ских). Наиболее общие составные части переживаний, простейшие и неразложимые, Мах именует „элементами". Вступая в различные сочетания друг с другом, „элементы" (ощущения) образуют известные постоянства [10]). Совокупность таких постоянств и есть то, что мы называем „миром". Другими словами, так-наз. вселенная есть не более как совокупность ощущений, взаимно связанных друг с другом [11]). Вся сущность эмпириокритического мировоззрения исчерпывается тем, что оно провозглашает полное равенство между бытием вообще и бытием в ощущении. „Телесное и духовное по существу тождественны, непосредственно известны и даны" [12]). Так гласит важнейшая предпосылка Махова учения. Общепризнанный философский оруженосец Маха дает ей исчерпывающее толкование: „Мир явлений сознания — не простая видимость, а действительность,—и, значит, последняя действительность— ибо мы не знаем ничего выходящего за его пределы"... „Действительность" природы, понимая в обычном смысле, „существует только в воображении философов и естествоиспытателей. На деле нам даны исключительно и единственно ощущения" [13]). Мир ощущения есть единственная и последняя действительность; все остальное — только плод воображения... Нет надобности продолжать дальнейшие выписки. Перед нами очень старое, всем известное учение о тождестве сущего и воспринимаемого, — учение, еще в 1710 году обоснованное английским епископом Джорджем Беркли, человеком весьма далеким от „философии современного естествознания": как известно, английский епископ рассматривал свои философские упражнения как необходимейшее орудие борьбы с материализмом и атеизмом. Правда, многие эмпириокритики предпочитают замалчивать свое духовное родство; но более откровенные открыто признают английского епископа „великим классиком наукоучения", от которого они и ведут родословную своей философии естественно-научного исследования современности [14]).

[10]) Ib. p. 275.

[11]) Mach. Anal. d. Empf. passim.

[12]) Das Physische und Psychische dem Wesen nach identisch, unmittelbar bekannt und gegeben, Erk. u. Irrt. p. 13 u.

[13]) Kleinpeter, Z. Begr. d. Phaenomenal., V. f. w. Ph. 36 p. 3.

[14]) Kleinpeter, ib. p. 2.

4. И нетрудно показать, что эмпириокритицизм занимает относительно благочестивейшего Беркли точь-в-точь такое же положение, как и марбургская школа относительно божественного Платона. В самом деле. По учению Маха, „началами" мироздания являются ощущения. Это значит: существует только один вид бытия—бытие в ощущении. Отсюда вытекает, что существует только одна наука о бытии—это психология, наука о представлениях, рождающихся на основе ощущений. Согласно недвусмысленному заявлению самого же Маха, вся разница между психологией и физикой заключается всего лишь в том, что первая есть исследование связей между представлениями, а вторая—раскрытие связей между ощущениями [15]); иными словами—физика есть только один из отделов общей психологии. А в таком случае, духовное родство эмпириокритиков с Джорджем Беркли выступает с совершенной отчетливостью. Правда, между предками и потомками остается и некоторое различие. Для английского епископа, человека весьма преданного христианству, природа есть совокупность ощущений, принадлежащих всевозможным „духам", начиная от людей и ангелов и кончая богом: напротив, эмпириокритики оставляют вопрос об ангелах и боге открытым. Но это различие, как выяснится в дальнейшем, весьма относительно: если же отвлечься от него, несходными окажутся только весьма несущественные оттенки: у Беркли, например, основания бытия — ощущения — именуются прообразами (идеями), а у эмпириокритиков—элементами. Словом, все эмпириокритическое учение в его целом есть только сокращенный список с берклеанства.

5. Однако, сопоставление списка с подлинником не лишено некоторого значения: оно прекрасно оттеняет основную линию эмпириокритических стремлений. Если проследить ее общее направление, независимо от всяких уклонов, о которых будет речь в дальнейшем, перед нами весьма последовательная и выдержанная связь мысли. Все возможные виды бытия растворяются в некоторой разновидности духовного бытия—в наглядной (чувственной) мысли. Все возможные науки о бытии заранее поглощаются единой наукой, самодовлеющей и всеохватывающей—чистой психологией... Подобно

[15]) Mach, d. Gesch. u. d. Wurzel d. Satzes v. d. Erh. d. Arbeit (Vortrag, 1872).

марбургской школе, эмпириокритицизм растворяет все бытие в духовном начале; подобно ей же, он отдает все науки в услужение одной „всеобъемлющей“ науке об этой предвзятой „основе бытия“ Все различие заключается в том, что марбургская школа отождествляет бытие с чистой „*мыслью*“, а эмпириокритицизм обращается для этой цели к чистому „*ощущению*“. Марбургская школа провозглашает единодержавие *логики;* эмпириокритицизм делает то же с *психологией.*

6. Мы уже отметили, что на здании эмпириокритицизма красуются те же широковещательные вывески, что и на марбургских чертогах чистого мышления. Только что сделанный краткий очерк позволяет нам и здесь высказать сходные опасения. „Философия естественно-научного исследования“ Маха с самого же начала обнаруживает такое же несоответствие между словом и делом, как и Когенова „философия чистой математики“. Правда, мы имеем дело с противоположностями; однако, правила логики говорят нам, что два противоположных суждения оба могут быть одинаково ложными. И мы убедимся в дальнейшем, что обе „научные“ философии действительно стоят друг друга. Для этого достаточно сопоставить их притязания с живой научной мыслью математики и естествознания.

ГЛАВА IV.

„Логика в ее высшем достижении, до которого она возвысилась в Платоновой идее, с самого начала есть логика математики и математического естествознания“ [1]). И все служители марбургского философского святилища на все лады повторяют одну и ту же мысль: теорию математики, доселе неуязвимую, надлежит искать у Платона и нигде более. Между тем, марбургская школа, с тех пор, как она существует, всегда занималась математикой. Таким образом, логика чистого знания хочет быть прежде всего логикой математики в Платоновом смысле слова [2]). Рассмотрим поближе, что это значит.

---

[1]) Cohen, Log. p. 18.
[2]) Natorp, Ideenl. Vortr. p. 30.

2. Что такое математика для Платона? Прежде всего, одна из высших, философских наук. А последние, согласно Платону, имеют своим предметом пресловутый мир „идей". Оставляя в стороне модный среди современных схоластов вопрос об идеях Платона, отметим только, что более трезвые исследователи единодушно признают, что под последними Платон разумел, во всяком случае, не простые создания чистого мышления. Мир идей есть мир вечного, однозначного, сверхчувственного бытия—высший возможный предмет науки. Как одна из наиболее философских наук, математика есть „наука о *вечном бытии*" [3]). Подобные заявления столь часты в Платоновом „Государстве", что всякие дальнейшие ссылки совершенно бесполезны.

3. Спросим себя теперь: что такое математика в марбургском смысле слова? Для ответа достаточно припомнить Когеново учение о сущности чистой логики. Чистая мысль не только способна познавать бытие: она—и только она — способна порождать все его виды. Математика есть высшая основная логическая наука; значит, она по самой своей природе уже призвана для этой почетной цели. Суждения чистой мысли „должны породить содержание природы—и эта задача подобает одной математике. И прежде всего она озаботится о действительности" [4])... Оставим в стороне все прочие оракульские вещания Когена: достаточно и сказанного. Чистая математика есть для марбуржцев, прежде всего, наука о *бытии*, о вечных *непреложных* законах „действительности". Даже более того: все бытие вообще есть создание чистой мысли; это значит: „природа" и вообще всякая действительность есть создание математики, такая же составная часть ее, как, например, учение о бесконечно малом... И недаром еще в самых ранних своих писаниях, задолго до основания собственной системы, Коген уже обнаруживал склонность рассматривать природу как часть науки [5])... И здесь обнару-

[3]) Cf. Resp. 527 b.: τοῦ ἀεὶ ὄντος... γνῶσις.

[4]) Die Urteile... sollen... den Inhalt der Natur erzeugen... der Mathematik allein diese Aufgabe zufaellt. Zuerst wuerde fuer die Realitaet gesorgt, Cohen, b. p. 170.

[5]) Cohen, Kants Th. d. Erf.

живается лишний раз, что марбургское любомудрие не напрасно взывает Платону. Правда, вопреки всем нелепым измышлениям Наторпа, Платоново „бытие“ не имеет ничего общего с марбургским: для Платона идея есть сверхопытная сущность, а не простое „полагание“ чистой мысли. Однако, и Платон и его ученики сходятся на одном: и для того и для другого *все* „*бытие*“ в его целом является предметом „математики“.

4. Попытаемся теперь сопоставить обоих Платонов—марбургского и действительного—с живым математическим познанием. Само собой разумеется, оставаясь в пределах нашего предварительного исследования, мы заранее должны отказаться от всякого намерения—сколько-нибудь подробно рассмотреть сложный вопрос о сущности математического познания. Но в этом и нет особой необходимости; для оценки заведомо ложных суждений можно ограничиться несколькими краткими указаниями. Определяя сущность чистой математики, ее виднейший провозвестник, Герман Грассман, еще в 1844 г. отметил, что математика принадлежит к числу наук *формальных*, которые никогда не выходят за пределы чистого мышления. „Доказательство в этих науках никогда не выступает из области самого мышления, но целиком пребывает в сочетаниях различных действий мышления“ [6]). Таковы *логика*—наука о *всеобщих* закономерностях мышления, и *математика*—наука об его частных многообразиях. Весь смысл существования чистой математики заключается именно в том, что она есть наука чистого мышления и не может, да и не желает касаться никаких вопросов о „бытии“. Она нисколько не обязана отрицать, что существует „бытие, противостоящее мысли“ [7]); тем более чужды ей притязания вобрать в себя все бытие. Она хочет и может быть только наукой о многообразиях *мысли*—и ничем более [8])...

5. Основные свойства математического познания, так хорошо подмеченные немецким математиком, особенно ярко обнаружились при свете новейших открытий и достижений. (Достаточно напомнить неевклидовы геометрии; расширение понятия о числе в арифметике; наконец, общее учение о многообразиях, объединившее все разно-

[6]) Grassmann, d. Ausdehnungsl. v. 1844, Einl. § 1.

[7]) Das Sein, das dem Denken selbstaendig gegenuebertretende, ib.

[8]) Formenlehre, ib. § 3.

родные отрасли математического познания). Великий переворот XIX века окончательно сдал в архив все старые представления. Только люди, неравнодушные к предвзятым мыслям и равнодушные к живой науке, продолжают видеть в математике единую, неизменную, однозначную науку о *бытии*. В самом деле. Имеем математическое положение: если $X = Y + Z$, то $X - Z = Y$. Перед нами не безусловное суждение, а *условный вывод*. Безразлично, к какой области „бытия" будут применяться эти формулы: к области астрономии—или статистики городского населения, физики—или страхового дела. Математика занимается исключительно вопросом об *условных отношениях* между чистыми понятиями—символами X, Y, Z. Современная чистая математика есть наука о *многообразиях* чистого мышления. Весь смысл ее бытия заключается в том, что она есть наука *условно-выводная*, совершенно независимая от каких бы то ни было вопросов бытия вообще и бытия „безусловного" в частности. Это положение является азбучной истиной для всякого, кто прочел без предвзятых мнений хотя бы одно новейшее исследование о „началах" и „сущности" математики—а такие исследования очень многочисленны в международной математической литературе [9]). Уже отсюда ясно, насколько бессмысленны все притязания марбургских пророков, стремящихся превратить *условную* науку о чистой мысли в *безусловную* науку о бытии... Не удивительно, что все создания марбургского воображения встретили заслуженный отпор именно в том лагере, который они хотели видеть своим надежнейшим союзником. Один из наиболее даровитых и разносторонних математиков нашего времени, Эдуард Стеди, ядовито высмеивает „безусловное" мышление марбуржцев и дает ему следующую, совершенно недвусмысленную оценку. „Нечего удивляться, что с помощью вседержавного мышления также и достижения точной науки подвергаются подчас дополнительному „сверхопытному" прочитыванию и, поелику возможно, „познавательному истолкованию". Для математика в особенности прискорбно, когда его наука превозносится до небес и одновременно паплуется. То, что сугубо превозносится, очень плохо изучается. Для предметного изучения математики, а равно и для проникновения в опытные науки, требуется терпение—а это слишком много для данных философов. Отфилософствоваться гораздо

[9]) Couturat, Whitehead, Voss, Васильев, etc.

легче“ [10]). И Стеди припоминает знаменитые слова Гегеля, которые навеки останутся памятником невежественного высокомерия метафизиков: „Если действительность не покоряется, тем хуже для нее“.

6. Единодержавие чистой логики—такова главнейшая навязчивая идея марбургской метафизики. Мы только что убедились, что одно уже провозглашение такой задачи возможно только при самом неприкрытом насилии над подлинным существом живого математического познания. Не трудно было бы показать, что и всякая попытка выполнить столь неестественное задание совершенно несущественна. И здесь поучительным и достаточным образчиком могут служить марбургские платоники. Рядом с чистым познанием, работающим по логическому методу, они вынуждены, например, признать существование *психологии*, изучающей обнаружение этого познания в непосредственном переживании личности [11]). Между тем, самое признание возможности такой науки равносильно отказу от единодержавия чистой мысли... Но нет надобности распространяться об этом: дальнейшее изложение даст нам немало примеров, достаточно выразительных. Главное достоинство обобщающей мысли—последовательность—столь же мало присуще нашим пророкам, как и их духовным вождям — Платону и Канту. Учения, сделавшие своей основой насилие над наукой, могут утверждать свое бытие только путем нагромождения безысходных противоречий. Ибо, по выразительному замечанию Спинозы, „идея не есть нечто безгласное, наподобие рисунка на доске“.

ГЛАВА V.

„То, что мы именуем волевым действием, есть определенное совершение в организме, которое некоторыми своими частями или сторонами доходит до сознания. К таким волевым действиям я отношу и математические понятия“ [1]). Так гласит совершенно недвусмыслен-

[10]) Apriorische Abstempelung... dem Mathematiker insbesondere muss es schmerzlich sein, seine Wissenschaft in den Himmel erhoben und gleichzeitig misshandelt zu sehen. Was so hoch gepriesen wird, man hat es nicht genuegend studiert... Darauflosphilosophieren ist entschieden leichter. Study, Die realist. Weltans. p. 35.

[11]) Ср. ниже, гл. 6, примеч. 18.

[1]) Kleinpeter, V. f. w. Ph. 36, p. 8.

ное заявление одного из поклонников Маха. Математика есть разновидность психологии. Нет надобности доказывать особо, что такая точка зрения—вполне последовательный вывод из основных предпосылок всякого берклеанства вообще и эмпириокритицизма в частности: для них существует только один вид бытия—ощущение (в широком смысле слова), и только одна единственная, всеобъемлющая наука—психология. Остается только выяснить, как далеко идут Дон-Кихоты „ощущения" в своем психологическом походе на математику.

2. „Бытие вещей есть их воспринимаемость" [2]). Вещи существуют лишь в той мере, в какой они могут быть восприняты. Из этого положения следует, в частности, что не существует никаких понятий, не опирающихся на восприятия, т.-е. никаких отвлеченных общих идей. Так и гласит тот вывод, который был сделан из приведенного положения самим Джорджем Беркли, основателем эмпириокритицизма. Не существует никакой общей отвлеченной идеи треугольника. Для мысли совершенно невозможно никакое понятие треугольника, которое не было бы *наглядным*, т.-е. или косоугольным, или прямоугольным, или равносторонним, или равнобедренным, или неравносторонним: „невозможен треугольник, который есть и всякий и никакой из них" [3]). Если применить это положение к математике, получается следующее совершенно недвусмысленное требование: все математические положения только тогда имеют какой-нибудь смысл, когда они опираются на *наглядное* представление. Понятие „тысячи" только тогда не пустое слово, когда оно опирается на представление тысячи предметов,—например, той тысячи брошюр, статей и книг, которые написаны оруженосцами Маха в защиту его „естественно-научной" философии...

3. Каково же отношение самого Маха к учению Беркли? Чувствуя, что требование „наглядности" для математических понятий не слишком осуществимо, Мах придумал своеобразную поправку к учению своего английского наставника. „Числовые" понятия обладают не прямою, непосредственною наглядностью, а лишь *косвенной*, „возможной" [4])... Чтобы оправдать это положение, Мах оспаривает положение Дедекинда, что числа суть свободные создания челове-

[2]) Berkeley's Princ. of hum. knowl. § 3 ex.: their esse is percipi.
[3]) All and none of these at once, ib. § 13 introd.
[4]) Mach, Erk. u. Irrtum, p. 326.

ческого духа, и пытается доказать опытное происхождение всех числовых понятий [5]). Мы не будем следить за всеми его путешествиями в эту область, нам совершенно достаточно установить его руководящую мысль. А последняя не допускает никаких сомнений и колебаний. Мир ощущения, чувственная данность—единственное мерило истины. Отсюда необходимо вытекает, что никакой самостоятельной законности умственного познания нет и быть не может; все сочетания понятий не имеют никакой внутренней опоры и должны искать своего оправдания во внешней данности, в мире ощущений. Свободное творчество человеческой мысли становится бессмыслицей. Даже более того: самое ее существование становится совершенно незаконным, необъяснимым и невозможным... Но мы еще вернемся к этому при обсуждении „естественнонаучных" предпосылок махизма; а пока достаточно отметить, что его общая предпосылка совершенно упраздняет всякую возможность чистого мышления, подчиняющегося только собственной закономерности...

4. Выслушаем теперь мнение беспристрастного представителя математической мысли, не склонного искать предпосылок своей науки у религиозных публицистов. Определяя сущность чистой математики, Грассман подчеркивает, что предметом чистой математики являются „положения самого мышления" [6]). Правда, как мы уже знаем, отсюда отнюдь не следует, что чистая математика созидает „все бытие", как того хотят марбуржцы; однако, совершенно несомненно, что она сама созидает себе *свой* предмет. Оставаясь в пределах чистой *мысли*, математическое познание имеет дело только с ее *свободными* допущениями и нисколько не заботится ни о какой *чувственной* данности. Весь смысл бытия чистой математики заключается в том, что она рассматривает многообразия мысли „в их чистом значении, отвлекаясь от всякого действительного содержания" [7])... Другое дело—все суждения, которые опираются на непосредственное *наглядное* представление и ставят своей

[5]) Mach, ib. 327 sqq.

[6]) Durch das Denken selbst Gesetztes, Grassmann, d. Ausdehnungs l. v. 1844 § 1.

[7]) ... die Form in ihrer reinen Bedeutung, abstrahirt von allem realen Inhalte, ib. § 3.

целью обработку его данных; все они исключаются из области чистой математики и могут стать предметом только математики *прикладной*—т.-е. математического естествознания [8]).

5. Это разграничение, в общих чертах достаточно проведенное уже Грассманом, стало общим местом в современной математической литературе. Достаточно припомнить знаменитое шуточное определение Ресселя: „математика есть наука, где никогда не знаешь ни о чем говоришь, ни верно ли то, что говоришь“ [9])... В самом деле. Возьмем хотя бы формулу $X = Y + Z$. *Без всякого посредничества всякой чувственной данности*, путем простых законов мысли, мы выводим из нее другие соотношения: $X - Y = Z$; $X - Z = Y$. Для чистой математики, как и для логики, существуют только эти условно-логические связи между символами X, Y, Z; для нее безразлично, к каким *чувственным* данным могут быть применены эти связи—например, к измерениям физических тел, или к статистике браков. Этой краткой справки совершенно достаточно, чтобы показать полную несостоятельность всех эмпириокритических попыток навязать математике чувственную наглядность в каком бы то ни было смысле... Впрочем, „философия математики“ не играет большой роли в повседневном обиходе эмпириокритицизма, который хочет быть прежде всего „философией естествознания“. Не удивительно, что представители чистой математики совершенно пренебрегают математическими путешествиями Маха и его поклонников. Но, конечно, не трудно догадаться, какой отзыв они могли бы дать о новой попытке урезать права чистой математической мысли в пользу наглядного созерцания. Достаточно припомнить тот приговор, который они вынесли другому, более старому и более знаменитому предприятию того же рода, связанному с именем Канта: „Канту недоставало веры в могущество и плодовитость человеческого разума. Он слишком заботился о мелочном отграничении области мышления... Но разум взял свое, порвав строгие рамки и схоластические формулы, в которых он думал навеки заключить его“ [10])... Махово учение о наглядной природе всех научных понятий также не прочь урезать область мысли.

---

[8]) Cf. ib. § 3.

[9]) Russell, Recent work on the princ. of Math., Intern. Month. (1901).

[10]) Kant... a été trop préoccupé de circonscrire minutieusement le champ de la pensée, etc., Couturat, Princ. des mathém. p. 307 sq.

Правда, Кант требовал такого урезывания во имя схоластического сверхопытного (априорного) наглядного созерцания, а Мах хочет это сделать для торжества своих „ощущений"; но мы еще убедимся в дальнейшем, что и последние также сверхопытны. Сходство превращается почти в сродство. Но и независимо от него, только что приведенный отзыв Кутюра вполне применим к Маху: судьба всех „урезывающих" предприятий совершенно одинакова...

6. Мы уже упоминали, что Мах не требует от математических понятий *непосредственной* наглядности, уничтожающей всякую свободу „человеческого духа"; он согласен удовлетвориться даже только простой *„возможной"* наглядностью. Он идет даже еще дальше: он признает, что существуют „различные виды собственной упорядочивающей деятельности" математического мышления; он не отрицает, что ее создания могут быть „произвольными и условными" [11])... Поклонники эмпириокритического откровения хотят видеть в этих признаниях доказательство его научной всесторонности и гибкости. После предыдущих соображений ясно, что перед нами доказательство совершенно иного рода. Все существо эмпириокритицизма заключается в признании всепоглощающего господства чувственной данности. Однако, последовательное проведение такой точки зрения было бы равносильно упразднению чистой математики. А мы еще не раз убедимся, что последовательность никогда не принадлежала к числу эмпириокритических добродетелей... Односторонняя предпосылка требует от своих поклонников столь же одностороннего вывода, попирающего все действительные права человеческого разума. Но тут приходит на помощь старый и надежнейший друг всякой метафизики—непоследовательность. Она лишний раз обнаруживала правильность приведенного выше положения: живая научная мысль или опрокидывает все поставленные ей препоны или не считается с ними.

ГЛАВА VI.

Мы только что убедились, как плохо обстоит дело с первой научной областью, которую наши „философы" хотят сделать предметом своих опытов — с чистою математикой. Обращаемся теперь

[11]) Mach, Zahl u. Mass, l. c. pp. 329 ex.; 331 med.; 332 § 15 etc.

ко второй—к математическому естествознанию. Начинаем с „критического идеализма“. Мы уже знаем, что он растворяет все науки в единой всеобъемлющей чистой логике. Поэтому заранее сомнительно, чтобы он мог обосновать *своеобразие* математического естествознания. Проверим это предположение.

2. Всякое познание, в его марбургском понимании, имеет дело только с самопроизвольными созданиями чистой мысли, с „неограниченной творческой деятельностью чистого мышления“ [1]. При каких же условиях возможна такая безусловная чистота? Разумеется, только в том случае, если мышление не знает никаких *данностей*, независимых от его собственных внутренних законов. Посему начало всякой философии, согласно Когену, „отметание всякой данности — будь то ощущение или что другое“ [2]. Вождь марбуржцев решительно ополчается против коренного предрассудка, будто мышление берет свои данныя от ощущения. Неделимое содержание мысли целиком должно быть порождением мысли [3]. Столь же ясно выражается и Наторп.: „У нас нет никаких предметов, и мышлению не даны никакие предметы,—прежде чем они не сотворены мышлением“ [4]: математическое естествознание ничем не отличается по своей природе от чистой математики, и там и здесь мы имеем дело не с данностями, а с творческими полаганиями чистой мысли.

3. Мы только что слышали от Когена любопытные слова о „коренном предрассудке“. Так именуется на языке марбуржцев общепринятый взгляд, что естественно-научное мышление берет свои данныя от ощущения. И действительно, что такое ощущение? Это—преходящее чувственное переживание, настолько своеобразное, что оно никогда не может быть повторено целиком. По самому своему существу оно является полной противоположностью чистым понятиям, вроде „чисел“ чистой математики. Провозгласив математическое естествознание исключительным созданием чистой мысли,

---

[1]) Cohen, Log. p. 18 sqq.

[2]) Die Abwehr des Etwas als eines Gegebenen, sei es in der Empfindung, sei es sonstwie, ib. 77.

[3]) Ib. p. 49: der ganze unteilbare Inhalt des Denkens muss Erzeugniss des Denkens sein, p. 49; Cf. pp. 67 sq.

[4]) Dem Denken sind keine gegeben, ehe sie durch Denken geschaffen sind, Natorp, Log. Grundl. etc. p. 263.

марбургские пророки, естественно, должны были совершенно изгнать всякие следы „чувственных ощущений“ из его обихода. Правда, они согласны великодушно признать, что чистая мысль может построить *понятие* ощущения и рассматривать его как одно из обычных своих творческих заданий; но они никоим образом не соглашаются допустить этого неприятного гостя, со всем его чувственным скарбом, в воздушное святилище чистого естествознания. Это было бы святотатственным оскорблением для незапятнанной безусловности чистого мышления... Словом, „математическое естествознание“ в марбургском смысле слова, никоим образом не может быть наукой о некоторых чувственных данностях, с которыми чистая мысль должна была бы считаться независимо от своих собственных требований...

Дальнейшие подробности не имеют для нас значения. Оставаясь в рамках нашего предварительного исследования, мы можем обойти мнимо-глубокомысленные по виду, а в сущности совершенно бессмысленные, рассуждения Когена об основных понятиях его воображаемого математического естествознания [5]). Достаточно запомнить, что для марбуржцев оно является такою же „чистой“, нечувственной наукой, как и чистая математика.

4. Обратимся теперь к живой научной мысли. В одной из критических заметок знаменитого Гаусса читаем: „Логические пособия бесспильны и приносят лишь пустоцвет — если повсюду не движет плодотворящее живое созерцание предмета. Этого не упустит из один знакомый с существом геометрии“ [6]). То же самое можно сказать и обо всяком математическом познании: чистая мысль только тогда развертывается во всей своей мощи, когда она оплодотворяется живым созерцанием — чувственной данностью [7]). Но этим и ограничивается ее влияние в *чистой* математике. Оно имеет огромное значение как источник *личного творчества* математических умов; но она не имеет здесь никакого значения для *обоснования* научной истины. Чистая математика—как таковая—остается наукой чистой мысли, *независимой* по своей *внутренней* природе от чувственной данности. Другое дело — математика *прикладная*.

[5]) Cohen ib. p. 177 sqq.
[6]) Gauss IV 366.
[7]) Cf. ex. gr. Васильев, Цел. число, гл. 15.

математическое естествознание. По справедливому замечанию Грассмана, это наука реальная: она имеет дело с бытием, которое *самостоятельно* противостоит мышлению [8]). Их истина не ограничивается согласием действий *мысли* друг с другом [9]); они требуют, чтобы бытие „отображалось“ мышлением [10]). В *чистой* математике чувственная данность служит только пособием для творчества, и, значит, имеет только *психологическое* значение; в *прикладной* математике она служит одним из мерил истины, и при том важнейшим мерилом: она приобретает здесь первостепенное *логическое* значение. Отличие математики от математического естествознания и заключается в том, что второе опирается в последнем счете на чувственную *данность*. „Кто стал бы утверждать противное, говорит Грассман, тот не мог бы уйти от задачи—вывести необходимость *трех* измерений пространства из чистых законов мысли. Но эта задача сразу обнаружила бы себя невозможной“ [11]). И в высокой степени показательно, что марбургские пророки отваживаются именно на это предприятие, за полвека до них осужденное замечательным математиком: с дерзостью, которая может соперничать только с их невежеством, они пытаются логически выводить трехмерность пространства и упраздняют всякую значимость неевклидовых геометрий [12]).

5. Нашим метафизикам и здесь не посчастливилось. Упомянув о Когеновском упразднении чувственной данности, Стеди восклицает: „Головокружительное обобщение, оно есть прямая противоположность тому, что извлекает из простейших наблюдений всякий рассудок, не затуманенный смутными домыслами“ [13]). И не трудно было бы показать, что не только приведенные выше теоретические соображения, но и самый ход развития живой естественнонаучной мысли самым разительным образом противоречит всем марбургским измышлениям. Примером могло бы послужить хотя бы изумительное развитие современной биологии, начиная от Линнея и кончая Дарвином: каждая страница этой блестящей главы из

[8]) Das Sein, das dem Denken selbstaendig gegenuebertritt, Grassmann, Ausdehn. v. 1844, Einl. § 1.

[9]) Uebereinstimmung des Denkens mit dem Sein, ib.

[10]) Abbilden, ib.

[11]) Ib. § 3.

[12]) Cf. Natorp, Log. Grundl. p: p. 306; 313 etc.

[13]) Study, D. real. Weltans. p. 34.

истории новой науки непререкаемо свидетельствует, что чувственная данность в математическом *естествознании* имеет совершенно иное значение, чем в чистой *математике*. Умозаключения *математики* не нуждаются в посредничестве опыта, между тем в *естествознании* опыт есть та неизменная основа, на которой утверждается и строится все логическое здание науки... Но нет надобности распространяться о таких ходячих истинах. Ни один современный естествоиспытатель, не зараженный идеалистическими предрассудками, не станет оспаривать, что безусловное, „нечеловеческое“ мышление, провозглашаемое марбуржцами, для действительной науки существует лишь как вымысел. В нем столь же мало действительности, как в пресловутом безусловном „я“ Фихте или в Шопенгауэровой воле...[14]) И всякий представитель положительного знания согласится, конечно, с той исчерпывающей оценкой, которую дает этой школе один философ, не чуждый идеалистических предрассудков, но все же более или менее трезвый. „Перед нами неопределенные отношения между неопределенными членами отношения, из коих ни один не укореняется—ибо ему чуждо всякое своеобразие. А это хуже всего“[15]). Марбургское чистое мышление не только отрешено от всяких живых человеческих переживаний: оно не имеет никакого предметного значения... То, что на марбургском языке именуется понятиями чистого естествознания, заранее очищено от всякой возможной связи с живым миром чувственного созерцания. „Они суть ничто, означают ничто—и все же должны соотноситься друг другу. Перед нами отношение нулей, даже нулевое отношение нулей: таков всечистейший плод чистого мышления“...[16]).

6. Презрение к простейшим предпосылкам научного мышления не проходит безнаказанно. Как ни старались ревнители чистоты изгнать всякую чувственность из своих святилищ—все попытки оказались бесцельными потугами. Нет надобности доказывать подробно, что все понятия марбургского „естествознания“, несмотря на все свои притязания, в конечном счете опираются на ту же чувственную данность. Разница только та, что, отрицая свою необ-

---

[14]) Cf. Study, ib. et sq.

[15]) L. Gabrilovitsch, Ueber Bedeutung... d. Elementarbegriffe, Arch. f. s. Ph. 16, 493.

[16]) Ib. l. c.

ходимую связь с опытом, познающая мысль оказывается не в состоянии обосновать законность своих построений. Отсюда те многочисленные противоречия, которыми прямо кишат все творения марбургских „естествоиспытателей“. Вот некоторые образчики. Величественно ниспровергая всякие обвинения в отрицании предметного знания, поклонники „критического идеализма“ подчеркивают, что они строго различают чистое понятие и опытное *представление:* мир чистого понятия есть мир вечных и неизменных законностей мысли; мир представления есть изменчивая область преходящих чувственных переживаний... [17]). Однако, для всякого беспристрастного исследователя вполне ясно, что все разграничения такого рода возможны только в том случае, если признать некоторое самостоятельное своеобразие за миром чувственного *представления.* Но именно это своеобразие совершенно отвергается всеми „критическими идеалистами“; они идут даже дальше в своих торжественных объявлениях— они вообще упраздняют чувственную данность... Можно привести и целый ряд других случаев, показывающих наглядно, что все эти упразднения—пустая словесность. Даже такой неукротимый схоласт, как Герман Коген, не решается отрицать, что, рядом с чистыми понятиями, существует чувственный, животный человек, чьи влечения направлены на яства, обладание, господство—и совершенно не желают считаться с предписаниями критического идеализма... [18]). Но кто сказал А, тот должен сказать В. Если допустить чувственное бытие в одном случае, нет оснований отвергать его в других; приемля бытие чувственного человека, мы с таким же правом можем— и должны—допустить бытие чувственного пространства и других столь же низменных предметов... А в таком случае и вся марбургская философия чистого естествознания оказывается чистым вымыслом. И те же самые пророки сверхчувственной истины постарались доказать это на целом ряде блестящих примеров. Остроумный и беспощадный немецкий математик дает нам маленькое собрание наиболее замечательных научных открытий Германа Когена. В числе их имеется, например, такое: „Ощущение теплоты воплощается в термометре, а в барометре оно снова целиком переносится к простран-

[17]) Coh. Eth. d. rein Will. p. 22.
[18]) Ib. passim.

ству“ [19]). Читая подобные оракульские изречения, без труда убеждаешься, насколько бессмысленны все попытки объяснять природу безо всякого посредничества чувственной данности. По словам одного остроумного исследователя, ложная диалектика мышления рисуется своей чистотой и независимостью; она рассматривает данность как нищего или бедного родственника, и держит себя так, как если бы никогда не встречалась с нею: такое знакомство было бы унизительным. А между тем, изо всех ее карманов глядят денежки, взятые из кладовых все той же данности... Чистейшая и воздушнейшая диалектика любит высоко задирать нос и величаться. Она отвращается от чувственного созерцания и уверена, что витает в „чистом“ мышлении. А на деле она оказывается обычнейшим чувственным переживанием—простым *чувствованием* некоторых связей между понятиями. Чем дальше уклоняется мысль от чувственности, чем смутнее и запутаннее последняя, тем более мучителен, извилист и ухабист путь мнимого „самодовлеющего“ мышления... [20]). Эти строки—прекрасная картина всей марбургской школы—всего этого запоздалого пережитка средневековой схоластики.

ГЛАВА VII.

Марбургская философия упраздняет чувственную данность во имя безусловной чистой мысли. Мы уже достаточно знакомы с философской природой соперника марбургских откровений, эмпириокритицизма. Поэтому мы заранее вправе ожидать, что он перегнет палку в другую сторону: он будет отрицать всякое чистое мышление во имя безусловной чувственной данности. С образчиком этого философского действа мы уже, в сущности говоря, знакомы: достаточно припомнить эмпириокритическую философию математики. Посмотрим теперь, как и поскольку последовательно проводит Мах свою любимую мысль в той области, на которую его школа заявляет наибольшие притязания—в области естествознания.

2. „Человек—только зритель на мировой арене. Его мышление может не понуждать явления, а только *описывать* их протекание. Я считаю это ядром мировоззрения Феноменализма“ [1]). Под феноме-

[19]) Cf. Cohen ib. 386; Study ib. 55.
[20]) Gabrilovitsch, op. cit.
[1]) Kleinpeter, V. f. w. Ph. 36 p. 8.

нализмом здесь разумеется учение, согласно которому мир явлений является единственным мерилом познания; а мы уже знаем, что именно в этом заключается основное устремление эмпириокритицизма. Только что приведенные слова принадлежат его общепризнанному излагателю, толкователю и защитнику. И действительно, провозгласив бездеятельное и нетворческое „ощущение" единственным мерилом истины, эмпириокритицизм не только может, но и должен *изгнать* из области науки всякие следы какого-либо *деятельного*, творческого начала. Он это и делает в лице наиболее последовательных своих представителей. Из тысячи сорока разделов, составляющих Авенариусовскую „Критику чистого опыта", нельзя насчитать и десятка, где имеются хотя бы отдаленные намеки на деятельную сторону познания [2]). А другой, более поздний основоположник эмпириокритицизма, Петцольдт, открыто заявляет, что главная заслуга нового учения—полное устранение всякого понятия деятельности в познании [3]). Даже такие невинные выражения, как, например, „мы слышим", „мы чувствуем"—сами по себе незаконны; надо говорить безлично: „слышится", „чувствуется" — ибо в противном случае неизбежно привносится все тот же неуместный оттенок деятельности, нарушающий чистоту ощущения... Наконец, столь же красноречивы и заявления Маха, согласно которым всякое познание вообще не есть творческая деятельность мысли: оно есть всего лишь „*приспособление*" мыслей к чувственным „данностям" [4])... Но нет надобности умножать примеры. Мы уже убедились в своем месте, что даже математическое познание эмпириокритики отнюдь не склонны рассматривать как свободное создание чистой мысли: за каждым математическим понятием они хотят видеть чувственную данность,— если не действительную, то, по крайней мере, „возможную". Но если творческое начало изгоняется из математики, что сказать после этого об естествознании?

3. Теперь мы без труда поймем, в чем видят эмпириокритики сущность естественно-научных *понятий*. Для философов чистого ощущения не может быть речи о какой бы то ни было самостоятельности умственного познания. Как возникают понятия? Человек

---

[2]) Отмечено Бороховым в его блестящей работе «Виртуализм» и т. д.

[3]) Cf. Petzoldt passim.

[4]) Mach Erk. u. Irrt.[2] passim: d. Anpassung d. Gedanken an d. Tatsachen...

получает множество разнородных ощущений от некоторого предмета,—например, от „ягоды"; мало-по-малу, из этого пестрого многообразия выделяются некоторые свойства, например, „краснота", „сладость"; так образуется „понятие" ягоды. Само собой разумеется, оно по самому существу есть только „вспоминательный образ" [5]), замещающий для нас множество возможных ощущений. По мнению Маха, даже на высшей ступени своего развития, все наши понятия остаются всего лишь „сознанием действий, которые следует *ожидать от* известного вида *предметов*" (т.-е. от чувственных данных) [6]). Или еще точнее: понятие есть только *стершееся* повторное ощущение. „Когда мы смешиваем представления или понятия с данностями (т.-е. с ощущениями), мы отождествляем бедное... с более богатым, даже неисчерпаемым" [7]). Только ощущению принадлежит подлинная действительность, со всем ее богатством и неисчерпаемым многообразием; понятие есть действительность отраженная, тусклая и бедная. Понятие—только заместитель ощущения; но именно поэтому оно не имеет собственного лица. Только в том случае, когда живое многообразие представлений об ягоде упрощается, обесцвечивается,—появляется бледный заместитель, который берет на себя представительство от множества действительных ягод—но зато сам становится только бледным призраком их яркой и сочной действительности. Важнейший путь образования понятий, известный Маху, это *отвлечение* некоторых общих признаков чувственного многообразия (абстракция); другими словами, образование понятий целиком покоится на стирании и убледнении представлений. Вся дальнейшая работа познания также не имеет ничего общего с творчеством: это или дальнейшее „приспособление" понятий к чувственным данностям, или столь же бездеятельное приспособление выработанных понятий друг к другу. Когда такое приспособление закончено, и все несоответствия устранены, все дело мысли сделано, тогда все ее построения достигли своей высшей задачи. Простота, сбереженность, совместимость мыслей, словом пресловутая *экономия* мысли—провозглашаются не *вспомогательным приемом* исследования, а *верховным началом* познания. Само собой разумеется, при

[5]) Erinnerungsbild, ib. p. 133.

[6]) Bewusstsein von den Reaktionen, die man von ... Tatsachen zu erwarten hat etc. ib. p. 133 sq.

[7]) Ib. p. 141.

такой постановке вопроса заранее исключается всякая самостоятельная закономерность мира понятий. Естественно-научная картина мира рассматривается не как творческая обработка чувственных данных, а как их бездеятельное, бледное отражение... Естествознанию остается утешать себя только тем, что эмпириокритики позволяют ему разделить свою горькую участь с математикой: мы уже знаем, что они отвергают самостоятельную закономерность математических понятий...

4. Оставим теперь эмпириокритиков и обратимся к действительным творцам современного естествознания. В блестящей речи „О значении теорий", Людвиг Больцман ставит вопрос: „Что такое теория?" и дает следующее определение: „Задача теории—построение такого отображения внешнего мира, которое начисто существует в нас и должно нам служить путеводной звездой в наших мыслях и опытах. Это равносильно завершению мыслительной деятельности,— выполнению в большем размере того, что совершается у нас в малом при образовании всякого представления" [8]). Значит ли это, что научные *понятия* — только бездеятельное, безвольное отражение чувственной действительности? Значит ли это, что научная теория, построенная на таких понятиях, не знает никакой внутренней закономерности и не идет дальше простой „экономии", простого взаимоприспособления своих частей? Нисколько. „Кто не взирает с удивлением, как вечные звезды рабски повинуются законам, которые хотя и не даны им человеческим духом, но все же подслушаны у них? И чем отвлеченнее, тем могущественнее становится теоретическое исследование. Иногда мы не столько руководимся формулами, сколько *руководим ими:* тогда мы не доверяем тропе, по которой восходим к арифметической теореме, и испытуем ее на численных примерах. И еще глубже проникает в нас чувство, что *числа должны безвольно склониться перед нашими формулами*—все без исключения" [9]). В этих словах — решительный приговор всему эмпириокритическому учению о понятиях. Самый замечательный и глубокомысленный представитель современной философии естествознания решительно подчеркивает, что опытная наука — не безвольная раба данностей, а их действительная распорядительница. Правда,

[8]) Boltzmann, D. Bedeut. d. Theorien, Pop. Schrift. p. 77.
[9]) Ib. p. 78.

как и всякая хорошая распорядительница, она сообразуется со всеми имеющимися в ее распоряжении средствами; она отнюдь не стремится умалить значение тех законов, которым подчиняются их связи и отношения; но она отнюдь не ограничивается, при их установке, ролью простого исполнителя чужих приказаний. Общие понятия естествознания—не простое вспомогательное пособие при „описании" чувственных многообразий; не простая „экономия" бездеятельно-созерцающей мысли. Они имеют не только подчиненно-*психологическое*, но и самостоятельно-*логическое* значение; они служат не только для *искания* истины, но и для ее *обоснования*. С точки зрения эмпириокритиков новые достижения в естествознании возможны лишь тогда, когда открываются новые чувственные данности — и бездеятельному мышлению остается только произвести опись вновь прибывшего товара. Научная действительность говорит другое. „Развитие естественно-научного *метода* есть, так сказать, скелет, который несет продвижение всей науки" [10]). Но что такое метод? Конечно, это, прежде всего, выражение *внутренних* самодеятельно и сознательно установленных требований познающей мысли. Отсюда и те, на первый взгляд, странные слова, которые уже мы слышали от Больцмана несколько ранее: „Чем *отвлеченнее* становится теоретическое исследование, тем оно *могущественнее*" [11]). Выдающийся основоположник новой физики отнюдь не хотел этим сказать, что научные понятия должны уходить от мира чувственной данности; он хотел только подчеркнуть, что, в строгом согласии с тою же „данностью", они должны все дальше итти по высоко ведущему пути развития своих собственных внутренних требований...

5. Итак, все попытки растворить естественно-научные понятия в „ощущении" совершенно несостоятельны: они находятся в самом вопиющем противоречии с простейшими требованиями естественно-научной теории. О том же свидетельствует и научная практика, история науки. Один из крупнейших после Больцмана основоположников современной физики, Макс Планк, справедливо отмечает, что все ее донынешнее развитие с растущим успехом приближает ее

[10]) Die Fortentwicklung der wissenschaftlichen Methode ist sozusagen das Skelett, das den Fortschritt der gesamten Wissenschaft traegt, ib. Entwickl. d. Meth. d. theor. Phys., p. 200.

[11]) Und je abstrakter, desto maechtiger wird die theoretische Forschung etc., ср. прим. 9.

к единообразной картине мира. „Человекообразный“ оттенок начальных ступеней естественно-научного познания все более устраняется; определения понятий оттесняют всякое „человечески-историческое начало“; все мощнее выступает начало отвлеченное, нечувственное. И последнее оказывается столь могущественным, что оно *отрывает* друг от друга целые области *однородного* чувственного *ощущения*: так, единые тепловые явления распадаются на разнородные отделы... Более того: *разъединяя* мир обыденных *ощущений*, физика тем самым достигает высшего развития и *объединения* своих *понятий*: „Показателем всего донынешнего развития физики является единотворение ее системы, которое достигается путем известного освобождения от человекообразных начал—в частности от приуроченных чувственных ощущений“ [12])... Чем дальше идет победное шествие современной физики, тем все более растет значение творческой деятельности мышления, воздвигающего величественное здание естественно-научных понятий, с его сложными и строгими внутренними законами. Вот почему и Больцман, и Планк, и все вообще непредубежденные естествоиспытатели самым решительным образом выступают против „феноменологии“ Маха, против его склонности растворить все познание в „ощущениях“ [13])...

6. Однако, если даже оставить в стороне противников Маха, есть еще целый ряд не менее любопытных свидетелей, столь же неблагосклонных для его учения. Это—сам Мах и все его поклонники. На словах все они единодушны в своем стремлении сделать из научного мышления простое „приспособление“ к чувственной данности. А на деле, в живой научной работе, они так же мало следуют своим предвзятостям, как и любой непредубежденный ученый. Рядом с „приспособлением мыслей к данностям“, Мах вводит „приспособление мыслей друг к другу“; первое он именует наблюдением в узком смысле, и только второе—теорией [14]). Уже из этого разграничения ясно, что, по крайней мере, „теория“ не может обойтись без некоторой *деятельности* мысли, которая не довольствуется простым без-

---

[12]) M. Planck, D. Einheit d. phys. Weltbildes, p. 8: eine Vereinheitlichung... durch eine gewisse Emanzipation v. den antropomorphen Elementen, speziell den speziphischen Sinnesempfindungen»...

[13]) Planck, ib. p. 33; Boltzmann, ib. p. 221.

[14]) Mach, l. c.

вольным отображением чувственных данностей. Но и этого мало. Ни мало не заботясь о внутренней логике своего учения, Мах отмечает что деятельная сторона познания резко выступает не только на его второй, „теоретической“ ступени, но и на первой, чисто наблюдательной. В самом деле, всякое „наблюдение“ очень сложно. „Новое данное должно быть *сравнено* со многими другими случаями; сходства и различия должны быть *усмотрены*; должны быть отысканы уже *известные* и *именованные* начала, благодаря которым можно мыслить новую данность в ее совокупности. Только душевная деятельность, укрепленная потребностями жизни, вызывает появление косвенных стремлений подлежащей силы“. И Мах приводит прекрасный пример развития этих „косвенных“ стремлений, этой растущей *самодеятельности* познания. „Еще детьми мы учимся всасывать жидкости через трубку, не зная, как это делать, даже не спрашивая об этом, и не в силах ничего сообщить другим. Взвесьте же, какое развитие требуется, чтобы воду получить *обходом*—путем насоса. Как сильно должно быть *косвенное* устремление (интерес), чтобы под властью последнего, с помощью надлежащего выбора воспоминаний, воображение создало прообраз для построения насоса“ [15]). Все подчеркивания принадлежат самому Маху; ему даже и в голову не приходило, что каждое из них в отдельности способно уничтожить все эмпириокритическое учение о нетворческой природе познания... Уже первая, чисто-наблюдательная ступень познания требует от него значительной самодеятельности — способности „сравнивать“, „усматривать“, выделять „известное“, „именовывать“; что же сказать о второй ступени, где требуется „теория“, для которой, по мнению, самого же Маха, необходим „обход“, т.-е. сложный „косвенный“ путь мысли? И как бы для того, чтобы доказать, что все приведенные соображения—не случайные уклоны, Мах пишет две особых работы: „О мыслительных испытаниях“ и „Чувственное испытание и его главные побуждения“ [16]). Первая работа начинается словами: „Человек собирает опыты путем наблюдения над изменениями своей среды. Но наиболее любопытные и поучительные наблюдения суть

---

[15]) Mach, ib. p. 165. Подчеркнуты: verglichen, beachtet, bekannte und benannte, gedacht, auf dem Umwege, das indirekte Interesse.

[16]) Ueber Gedankenexperimente; das physische Experiment und dessen Leitmotive,—ib.

те, на которые он может воздействовать собственным вмешательством, своими произвольными движениями. По отношению к ним он не обязан держать себя чисто бездеятельно; он может деятельно приспособлять их к своим потребностям... На этом и основана ценность испытания (эксперимента)“ [17]). А вот начало второй работы: „Испытание (эксперимент) есть *самодеятельное* отыскание новых воздействий, и соответственно—их новых связей“ [18]). Понятие самодеятельности неоднократно отмечается и даже подчеркивается Махом столь же выразительно, как и в данном случае [19]). Понимая слово „испытание“, эксперимент, в самом широком смысле, Мах довольно удачно различает два его вида. В одних случаях познающая мысль расширяет круг своих *чувственных* данностей, искусственно сочетая прежние или вызывая новые, дотоле неизвестные; это *чувственное* испытание (физический эксперимент в узком смысле). В других случаях мы расширяем круг не чувственных данностей, а собственных *мыслей*, изменяя их сочетание или вызывая новые; это мыслительный опыт (эксперимент *мысли*). И Мах справедливо указывает, что именно последний — опыт мыслительный — есть предусловие первого, т.-е. опыта чувственного. „Всякий испытатель, всякий изобретатель должен сначала держать в голове выполняемый наряд—прежде чем перевести его в дело“ [20])... Словом, Мах - естествоиспытатель на каждом шагу опровергает Маха - „философа“. „Философ“ хочет уничтожить самодеятельность и самозаконность мысли, в угоду предвзятому и ложному учению о господстве чувственной данности. Естествоиспытатель ничего не хочет знать о философских измышлениях и открыто заявляет, что самодеятельность мышления есть необходимое требование самого же чувственного познания. Невольно вспоминаются уже известные нам слова Кутюра: „Разум берет свое, разрывая строгие рамки и схоластические формулы, в которые хотят навеки его заключить“ [21])... Но довольно об этом. Все развитие современного естествознания опирается на развитие прикладной *математики*, постоянное расширение и углубление

[17]) Ib. p. 183.

[18]) Selbsttaetige Aufsuchung, p. 201.

[19]) Cf. ex. gr. pp. 316 sq. etc.

[20]) Das Gedankenexperiment — notwendige Vorbedingung des physischen, p. 187; cf. p. 202.

[21]) Couturat. Princ. d. math. p. 307. Ср. выше, гл. 5, прим. 10.

математической обработки чувственных данных. Это признают и все вожди эмпириокритиков. А мы уже достаточно убедились, что математика есть наука творческая по самой своей природе, одно из высших обнаружений самодеятельности и самозаконности разума.

ГЛАВА VIII.

Один из самых знаменитых вопросов так-называемой новой философии гласит: существует ли мир „вещей в себе“,—мир, независимый от познающей мысли? Как мы убедимся в дальнейшем, от той или иной оценки этого вопроса целиком зависит то положение, которое познающая мысль должна занять по отношению к своему наследственному врагу—философскому скептицизму. Всякое мировоззрение, притязающее на научность, должно так или иначе считься с знаменитым вопросом. Мы оставим пока в стороне то своеобразное решение, которое искони предлагалось и доселе предлагается так-называемым здравым человеческим рассудком, и рассмотрим хотя бы вкратце ту постановку вопроса, которую нам дают, с одной стороны, „критические идеалисты“, а с другой—положительная наука.

2. Марбургская школа остается здесь верной своим исходным посылкам. Нет бытия вне мышления. Вывод ясен: не только утверждение, но и самое предположение бытия, независимого от мысли, совершенно незаконно. Такой вывод нисколько не смущает марбуржцев. Напротив, тут-то они видят свою главную заслугу. Действительно. Основы бытия коренятся только в мышлении. Поэтому под „бытием“ отнюдь не следует разуметь вещей и их свойств в ходячем смысле, который видит в них нечто независимое от мысли; бытие есть только обнаружение творческой деятельности самого же познания, „полагание чистой мысли“ [1]). Вещество, сила и прочие понятия, под которыми разумеется нечто вне мышления, должны быть совершенно изгнаны из научного обихода. Вот почему один из вождей школы с великим восторгом провозглашает освобождение науки от всякого материализма, с его веществом и силой [2]); а другой не менее решительно утверждает, что новые течения в естествознании

[1]) Natorp, Ueber Ph. Ideenl., Vortr. p. 10.
[2]) Cohen, Log. 517.

будто бы оттесняют „*вещное*“ истолкование последних основ природы и заменяют его соотносительным *(функциональным)* [3])...

3. Оставаясь в пределах нашего предварительного исследования, мы, конечно, не предполагаем поставить знаменитый вопрос с исчерпывающей полнотой. С нас достаточно самых общих указаний. Отметим, прежде всего, что в идеалистическом лагере немалым успехом пользуется следующее рассуждение: все, что мыслится, должно существовать в мысли; значит—всякая мысль о чем-то независимом от мысли есть бессмыслица. Это рассуждение представляет собой чистейший софизм. Существовать в мысли—не значит существовать *только* в мысли. Законы мысли нисколько не требуют, чтобы второе суждение необходимо вытекало из первого [4]). Даже более того. Если у познающей мысли есть какие-либо прочные основания для предположения внешнего мира, от нее независимого,—было бы прямым противоречием отвергать такое предположение. Ибо допущение мира независимого от мысли было бы тогда требованием *самой же* мысли. Остается только выяснить, есть ли у нее основания для такого требования.

4. При обосновании своего всепоглощающего мышления вожди марбургской школы ссылаются на „метод чистой математики“. Мы уже знаем, что марбургское понимание этих ответственных слов не имеет никакого отношения к науке. Не удивительно, что ее подлинные представители, если они не заражены никакими идеалистическими предрассудками, придерживаются совершенно других мнений. Выслушаем хотя бы выдающегося немецкого математика, нами не раз уже упомянутого. „Мы, реалисты, говорит Стеди, располагаем достаточными основаниями для убеждения, что это пространство, вместе со всем, что в нем заключено, весело продолжает существовать, когда Парка отрезает нити нашей жизни, и мы уже не можем сплетать наши мудрые о нем мысли. Для нас это настолько же достоверно, насколько может быть достоверно все, что не есть математика. Мы охотно признаем, по первому требованию, что по существу все это суть предположения; так же как, например, предположением является то, что наши дражайшие сочеловеки существуют,—а в том числе, и наши уважаемые противники—идеалисты.

[3]) Natorp, l. c. 29.

[4]) Ср. напр. Wundt, Log. passim.

позитивисты и прагматисты, с коими нам придется размежеваться. Однако, все эти предположения, подобно многим другим, мы считаем обоснованными и даже безусловно необходимыми—вопреки тому обстоятельству, что так-называемый солипсист их оспаривает,— а с ними и все их выводы, за исключением собственного уединенного бытия" [5]). И Стеди справедливо указывает важное и всеисчерпывающее основание, заставляющее науку признать бытие внешнего мира, независимого от познающей мысли. Одинаковые или сходные явления многократно возвращаются с неизменной *закономерностью*, совершенно *независимой* от нашей воли. Большинство таких закономерностей совершенно необъяснимо без допущения, что чувственный мир не есть плод „чистой" деятельности познания; он должен находиться в некоторой закономерной связи с миром „внешним", *независимым* от познающей способности [6])... Правда, последний не дан непосредственно мышлению; это мир *предполагаемый;* об его бытии мы умозаключаем на основании *косвенных* соображений. Однако, если отвергнуть бытие этого *предполагаемого* мира, становится совершенно необъяснимым и мир *данный* для мысли. Таким образом, допущение мира, независимого от мысли, становится требованием самой же мысли. Отказаться от него—значило бы для нее отказаться от познания—т.-е. от самой себя. Упразднение мира, независимого от мысли, есть при таких условиях посягательство на законнейшие требования самой же мысли.

5. Приведенное соображение одинаково относится ко всем наукам, имеющим дело с чувственной данностью, т.-е. ко всему естествознанию в его целом. Постараемся теперь проверить его на отдельных наиболее выразительных примерах из истории науки; мы убедимся тогда, что отрицание мира, независимого от мысли, находится в самом вопиющем противоречии с наиболее яркими достижениями естественно-научной мысли. Начнем с природы неорганической. В основе современной научной картины мира лежит атомистическое учение. Но что такое атом? Можно ли считать его простым созданием чистой мысли? Достаточно раскрыть любое изложение поразительных успехов современной физической химии, чтобы получить совершенно недвусмысленный ответ. Вот

[5]) Study, D. real. Weltans, p. 7.
[6]) Study, ib. p. 11.

что говорит основоположник современной физической химии, Вильям Рамзэй: „Всякий, кто видел опыты Перрена и Уильсона, может приобресть глубокое убеждение в действительности бытия альфа-молекул и электронов“ [7])... На чем же покоится такое убеждение? „Пусть невежественный житель какой-либо дикой страны, незнакомый с успехами цивилизации, посещает артиллерийскую стрельбу и помещается близ железной мишени. Он, вероятно, догадается, при виде блеска разрывающихся ядер и продырявленной мишени, что ее разрушение производят какие-то метательные снаряды—хотя он и не будет в силах следить за их полетом. Выбрасывание альфа-частиц из радия было выведено подобными же рассуждениями. Красивый опыт был произведен Уильсоном: эти частицы оставляли свой след в среде, через которую проходили. Их путь легко мог быть прослежен, как путь ракеты в темную ночь“ [8])... Итак, современная физика считает бытие атома действительным, а не только воображаемым. Оно не зависит от мысли: в его действительности мы убеждаемся только *косвенным* путем—но этот путь столь осязателен для мысли, что по своему существу он доступен даже для „невежественного жителя какой-либо дикой страны“... Но он совершенно недоступен тонкому уму марбургских вождей. Допустить бытие вне мысли—значит для них совершить смертный грех против мысли, против ее всепоглощающего владычества. Еще в конце прошлого века Коген пророчил, что успехи физики приведут ее к полному упразднению атомизма,—и замене понятия вещества понятием невещественной силы [9]). Однако, пророчество не оправдалось: атом был заменен не сверхчувственной силой, а столь же чувственным электроном. Да и сам Коген понял к тому времени, что даже понятие „силы“, хотя бы и духовной, но независимой от мышления, противоречит требованиям метода „чистоты“; поэтому он одинаково отверг „и материализм вещества и материализм силы“ [10]). Так понимают марбуржцы „обоснование на положительной науке“...

5 а. Физическая химия с ее атомами—основа современной научной картины мира; ее завершение—в пределах наук о неорганн-

---

[7]) Ramsay. Elements and electrons, Ch. 9; ср. рус. пер. с. 116.
[8]) Ramsay, ib.; ср. рус. пер. с. 114.
[9]) Cohen, Vorw. zum Lange, p. 26.
[10]) Cohen, Log. p. 517.

ческой природе—дает астрономия. Остановимся, хотя бы мимоходом, на последней. Солнце в полтора миллиона раз больше земли. Но можно ли считать солнце „полаганием“ чистой мысли? Очевидно, нет: для внутренних законов мысли безразлично, признать ли солнце огромным шаром, превосходящим своими размерами всякое воображение, или ничтожным диском, величиною с блюдо. Решающим мерилом должен быть опыт; он и заставляет нас признать, что солнце уже по самым своим размерам не есть ни полагание чистой мысли, ни чувственное представление, а некоторая действительность, совершенно независимая от мысли. В противном случае представления Моисея или первобытного дикаря оказались бы такой же познавательной ценности, как и любые достижения Галлея и Энке... Вопрос очень щекотливый для марбургской „безусловной“ мысли. Как же справляются с ним ее вожди и поклонники? Очень просто: они или же совершенно замалчивают самое бытие столь „чувственных“ наук, или отделываются от него легковесными общими местами. Все это, конечно, нисколько не мешает нашим героям говорить о „личной связи“ между их сверхопытной философией и положительной наукой [11])...

5-в. Изумительный расцвет естествознания XIX в веке позволил положительной науке завершить научную картину мира. Науки об органической природе, которые так долго были поставщиками так-называемых „мировых загадок“, перестали быть государством в государстве и стали прочным достоянием общенаучного мировоззрения. Как известно, мы обязаны этим переворотом *теории развития*, подчинившей единому закону все многообразие мировой жизни. Обратим внимание на одну существенную подробность этой теории. Главной движущей силой органического развития является естественный отбор—приспособление организмов ко всей совокупности окружающей их внешней среды. Как это ясно для всякого непредубежденного человека, „естественный отбор“ ничего не имеет общего ни с какою чистою мыслью, ни даже с мыслью вообще. Напротив, современная биология учит, что самая возможность чистого мышления вроде человеческом явилась только в итоге непреднамеренного, безмысленного действия этого „слепого“ закона природы... Таким образом, для марбургского любомудрия возникает

[11]) Ib. p. 511.

и здесь жестокое затруднение. Согласно Моисею, животные виды явились на свет в виде отдельных полаганий божественной мысли; согласно Дарвину, движущую силу их развития надо искать в некоторой действительности, совершенно независимой от всякой мысли. С точки зрения марбургско-чистой логики допустимо только одно из двух: или отвергнуть одновременно оба учения, так как оба они выходят за пределы Когеновой чистой мысли; или признать справедливым первое, истолковав божественные полагания Моисея в духе чистых полаганий Когена; мы еще убедимся в дальнейшем, что от Моисея до Когена только один шаг... Однако в обоих случаях неизбежно одно: приходится выбросить за борт учение Дарвина—обстоятельство очень печальное для всех, кто хочет „обосноваться на науке“... Что же делают наши герои, чтобы спасти науку? Похвалив великого естествоиспытателя за его успехи по сравнению с Аристотелем, Коген уверяет, что учение об естественном отборе имеет своим предметом не действительность вне мысли, а идеалистическое понятие „цели“. При этом с сокрушением отмечается, что тот же Дарвин „только полусознательно возвысился до кантианского понятия формальной целесообразности“ (sic!) [12]). Тот же марбургский пророк имеет дерзость утверждать, что великий естественник рассматривает приспособление организмов „не как вопрос опытного (фактического) исследования“, а как простой „логический вопрос, который он постиг во всей глубине“ (sic) [13])... Итак, для спасения Дарвина перед судом сверхчувственной философии приходится доказывать, что этот великий мастер наблюдения и опыта, проникнутый столь непоколебимым уважением к чувственной „данности“, заботился не столько об исследовании действительности, сколько о бледных призраках метафизического воображения, вроде „формальной целесообразности“—да и здесь оказался всего лишь полусознательным кантианцем! Другое дело — кантианцы сознательные: они вполне достойны своего учителя, провозгласившего метафизику царицей наук...

6. Итак, признание внешнего мира, независимого от мысли,— не догматическая предвзятость, а живое требование научной мысли, которого не замазать никакими „критическими“ измышлениями. Не

[12]) Ib. p. 319.
[13]) Ib. p. 316.

трудно показать, что и сами критицисты не могут уклониться от общей участи. Особенно показательны их суждения о развитии органического мира вообще и человечества в частности. Даже столь одержимый проницатель и чудотворец, как Герман Коген, вынужден признать, что рядом с его умопостигаемой государственной идеей существует государство немыслительное, государство сословий и господствующих классов, которое постоянно и упорно заявляет о том, что оно зародилось и развивается во времени и пространстве, независимо от всякой мысли [14]). А сподвижник Когена Натори, тот и прямо говорит об „общественном веществе", которое обнаруживает „тысячевидную *неразумность*, видимую внезаконность, даже противозаконность" и лишь постепенно становится доступно воздействию марбургских прорицаний [15]). Выражаясь проще, человеческое общество всею своею историею свидетельствует о том, что его развитие совершалось не только в пределах мышления. И само собой разумеется, в еще большей степени это можно сказать о других областях бытия...

7. Не знаем и никогда не узнаем (ignoramus et ignorabimus)— таков боевой клич современного агностицизма. Его наиболее видный представитель, Герберт Спенсер, настаивал, что за всем познаваемым миром скрывается некая Безусловная Сила — „некоторая причина, которая превосходит наше познание и постижение" [16]). Как мы уже указывали в своем месте, марбургская школа аршинными буквами написала на своем знамени—„преодоление скептицизма". Мы убедились теперь, что с этим широковещательным объявлением дело обстоит столь же плохо, как и с пресловутым „обоснованием на самой науке". Далекая от какого бы то ни было преодоления, марбургская школа только расширяет пределы агностицизма, далеко оставляя за собою Спенсера. Провозглашая свое Непознаваемое, Спенсер был далек от мысли отрицать вещество (материю) и все вообще виды мира, независимого от мысли; напротив, он считал их необходимыми обнаружениями того же Непознаваемого. Отвергая бытие мира, независимого от мысли, марбургская

---

[14]) Cohen, Eth. d. rein. Will.[2] p. 615.

[15]) Natorp, Soz. Paedag.[2] p. 13 Vorw.

[16]) Absolute Force... which transcends our knowledge and conception, Spencer, First Principles, P. II, Ch. 6, § 62 sq.

школа только расширяет Спенсерово Непознаваемое до крайних пределов: в него приходится включить все, что не есть чистая мысль. И было бы совершенно бесполезно ссылаться на то, что самое понятие Непознаваемого упраздняется критическим идеализмом, ибо для него всякое бытие есть бытие в познающем мышлении. Такое возражение имело бы смысл только в том случае, если бы тождество мышления и бытия было доказано; между тем, мы уже достаточно убедились, что оно представляет собой самую злостную насмешку над требованиями действительного познания,—да и сами „критицисты" не в силах его провести сколько-нибудь последовательно... Словом, наперекор всем широковещательным заявлениям, критический идеализм не только далек от преодоления скептицизма—он сам есть не более как одна из его худших разновидностей...

ГЛАВА IX.

1. Вопросом о бытии внешнего мира, независимого от мысли, занимается не только наука: задолго до ее появления он был уже поставлен и по-своему решен так-называемым обыденным мышлением. В самом деле, в нашей повседневной жизни мы всегда исходим из двух одинаково прочных убеждений. *Первое* сводится к следующему: существует мир *независимый* от нашей мысли. *Второе* можно выразить так: действительный мир есть тот самый мир, который *непосредственно дан* в моем восприятии. Соединяя оба положения, мы получаем знаменитую точку зрения *„наивного реализма"*, мир, *независимый* от нашей мысли, есть тот самый мир, который *непосредственно дан* в восприятии. Бумага и перо, которые я сейчас вижу перед собой, суть именно те бумага и перо, которые существуют и тогда, когда я оставлю их на столе и выйду в соседнюю комнату... Мы уже знаем, что *первое* приведенное положение обыденной мудрости целиком разделяется положительной наукой. Мир, независимый от мысли, существует; или, выражаясь в духе нашего примера, бумага и перо существуют как *„действительные"* предметы даже тогда, когда я выйду в соседнюю комнату и перестану получать *„представления"* пера и бумаги. Иначе закономерность моих восприятий совершенно необъяснима: непонятно, почему, возвратив-

шись в комнату, я вновь получаю те же восприятия совершенно *независимо от моей воли* и от всяких внутренних требований моей мысли... Посмотрим теперь, как обстоит дело со *вторым* утверждением обыденной мудрости.

Если справедливо, что бумага и перо существуют независимо от моей мысли, то справедливо ли, что они суть именно *те* бумага и перо, которые я воспринимаю?

Я закрываю глаза—и стараюсь как можно живее вообразить себе перо и бумагу. Я тотчас же замечаю, что они „лежат" передо мной со всею яркостью своего обычного цвета и очертаний; еще одно усилие воображения—и они „переносятся" куда-нибудь в Лозанну или в Батум — за „тысячи верст" от меня... Между тем о предмете, который мы воображаем с закрытыми глазами, конечно, никто не скажет, что он есть предмет „действительный"... Словом, *вторая* предпосылка наивного реализма оказывается совершенно ложной. *Воспринимаемый* нами мир есть *целиком* наше *представление*.. Мир действительный *непосредственно* нами не воспринимается: мы показываем его бытие только косвенно — путем *умозаключения*.

2. „После всяких идеалистических улетучивающих попыток, после материалистических стараний поставить на место великолепной жизнеточащей действительности серый, комнатный, мертвенный, „подлинный" мир—мы стремимся к лучистому утренне-свежему миру нашего детства и юных народов. Вновь обрести созерцание обыденного человека для науки; обнаружить здравость и разумность донаучного наивного реализма; устранить при этом все анимистические его примеси: заполнить бездну, которая все еще отделяет человека от природы—вот наша цель!" [1]). Заявление весьма торжественное; если ему поверить, можно ожидать, что эмпириокритицизм, действительно, собирается вновь обрести для науки старый обыденный наивный реализм во всей его непосредственной свежести. Однако, при ближайшей проверке оказывается, что оруженосцы Маха напрасно предваряют этот подвиг трубными звуками. Мы только что отметили, что обыденное мышление нисколько не сомневается в существовании внешнего мира, независимого от всякой мысли. Но как раз он-то и неприемлем для Маха. Все бытие есть бытие в ощу-

[1]) Petzoldt, Einf. in d. Ph. d. rein. Erf. 2, p. 330.

щении. Поэтому, все, что обыватель именует „вещами", есть только „совокупности ощущений" [2]). Что такое „тело"? Обыватель убежден, что он имеет дело с какими-то „вещами" и „причинами", независимыми от мысли; на деле же таких „обывательских вещей" вовсе не существует. „Не тела причиняют наши ощущения, а совокупность первоначал наших ощущений образует тело. Правда, физику кажется, что тела представляют собою нечто устойчивое и действительное, а ощущения—нечто текучее и преходящее. Но при этом он упускает, что все тела *только образы*, которые являются плодом нашего мышления и служат для обозначения совокупности ощущений" [3]). И Мах решительно подчеркивает, что именно в этом состоит „критически уясненное понятие сущности (субстанции), которое должно заступить место обывательского" [4]). Отсюда ясно, в чем заключается, по Маху, задача естествознания: оно *не имеет права выходить за пределы наличных данных*: оно должно ограничиться простым *описанием* связей, существующих *между совокупностями ощущений* [5]). Тогда вся задача познания осуществлена, и не зачем больше спрашивать ни о каких „вещах" и „причинах", будто бы независимых от мысли. Пример: физик имеет дело с совокупностями ощущений v, p и T, обозначающими объем, давление и тепловое состояние газа; он устанавливает между ними известную связь, выражая ее в уравнении (pv/T=постоянной); все его потребности целиком удовлетворяются этим уравнением... [6]). Таким образом, понятие вещи заменяется понятием совокупности ощущений; „вещное" понимание природы уступает место соотносительному (*функциональному*)... Нет надобности доказывать, что все эти рассуждения не имеют ничего общего с *первым* положением наивного реализма, гласящим: существует мир, независимый от мысли. Бытие вне мысли Махом упраздняется... Совершенно иначе относится он ко *второму* положению обыденной мудрости, отождествляющему мир *действительный* с миром „*ощущения*"; это положение Мах ставит во главу

---

[2]) Komplexe der Empfindungen, Mach passim.

[3]) Mach, Anal. d. Empf.[4] p. 23.

[4]) D. kritisch gelaeuterte Substanzbegriff, welcher wissenschaftlich an die Stelle des vulgaeren zu treten hat, Erk. u. Irrt.[2] p. 148.

[5]) Beschreibung, ib. passim.

[6]) Ib. pp. 278; 135.

угла. И мы докажем сейчас, что, упраздняя *истину* наивного реализма, наши „философы“ возводят в перл создания его несомненную *ложь*.

3. Отметим прежде всего основное заблуждение, лежащее в основе многоразличных построений подобного рода. Все они ратуют за то, чтобы познающая мысль не выходила за пределы чувственных данностей и ограничивалась простым „*описанием*“ их связей, не прибегая ни к каким „предположениям“ и догадкам. Однако, возможно ли такое „чистое“ описание? Вот мнение математика Стеди: „что касается знаменитого „совершенного и простейшего описания явлений природы“, то ясно, что оно всегда содержит *предположительные* начала—даже если совершенно отрешиться от приложения к будущему“... [7]). Всякое описание есть уже догадка, *гипотеза*, заключение от очевидного к неочевидному. Между тем, по отзыву Больцмана, гипотеза есть душа опытной науки. „Если феноменология (т.-е. учение о „чистом“ описании явлений) полагает, что природу можно изобразить, нигде не выходя из опыта—я считаю это простой видимостью. Ни одно уравнение не выражает никаких событий с безусловной точностью; всякое обобщает (идеализирует) их, выдвигает общее и отвлекается от различного—значит, *выходит за пределы опыта*... Это вытекает из природы самой мыслительной деятельности, которая состоит в том, что мы нечто присоединяем к опыту и создаем духовный образ, который не есть опыт и именно потому может выражать много опытов“ [8]).

4. Переходя к более подробному разбору взглядов Маха, отметим, прежде всего, что его понятие „тела“ столь же мало является плодом непосредственного опыта, „как и ходячие понятия „вещи“ или причины. В „чистом“ ощущении не может быть и речи ни о каких постоянных *связях* и совокупностях, а тем более о тех закономерных связях, которые выражаются уравнениями. Поэтому, будем ли мы разуметь под телами вещи, независимые от мысли, как того хочет обыденное мышление, или же мы будем, вместе с Махом, видеть в них простые связи ощущений, и в том и в другом случае мы обязаны выйти за пределы „чистого“, т.-е. наглядного опыта. Однако, особенность науки, ее отличие от метафизики, и состоит в том,

---

[7]) Study, D. real. Weltansicht p. 38.

[8]) Boltzmann, Pop. Schr. p. 222: jede Gleichung... geht ueber die Erfahrung hinaus etc.

что она выходит за пределы опыта только *по прямому требованию самого опыта*. Следовательно, вопрос ставится так: имеются ли в пределах самого опыта какие-либо основания, которые побуждают нас допустить бытие внешнего мира, независимого от мысли? Достаточно поставить этот вопрос с надлежащей ясностью и непредубежденностью—и все рассуждения Маха и подобных ему „позитивистов" разлетаются как карточный домик. Мы уже указывали в предыдущей главе, что без допущения внешнего мира совершенно необъяснимо большинство явлений *закономерности* в нашем внутреннем мире. Мы привели тогда мнение математика Стеди. Прибавим теперь столь же продуманные и основательные соображения физика Больцмана. В замечательном философском исследовании: „К вопросу о предметном существовании событий неодушевленной природы" Больцман обращает внимание на обычные явления нашей душевной жизни [9]). „Бледные воспоминания непрерывно подвергаются полному забвению. А временами, в силу простой случайности, в памяти всплывают вещи, о которых мы никогда не вспомнили бы при других обстоятельствах. Значит—у нас *было наверняка* множество ощущений, представлений и волевых побудов, о которых мы безусловно *больше не вспоминаем*. Но было бы совершенно недопустимо связывать с известным событием ту или иную степень неясности воспоминания и внезапно заявлять, что оно не существовало; посему мы без обиняков должны именовать *существующим* многое из того, что не стоит *ни в каком прямом отношении* к нашему нынешнему мышлению. Далее, мы видим, как возникает много ощущений, вопреки всем волепобуждениям, которыми мы стремимся их оттеснить; значит, существует такое нечто, от нашей воли независимое. Итак, наверняка есть события, которые *независимы* от нашего *настоящего* мышления и воления, и все же их существование „предметно" (объективно) истинно, но для нас непознаваемо". И Больцман подчеркивает, что наша познавательная деятельность становится невозможной, если не принять гипотезу предметного (объективного) бытия, т.-е. бытия независимого от наших текущих воспоминаний" [10]). Даровитый ученый показывает, как

[9]) Ib. Ueber d. Frage d. objekt. Exist. d. Vorgaenge in d. unbelebten Natur, p. 171 sq.

[10]) Boltzmann ib.

сами же чувственные данности опыта заставляют нас еще более расширять круг предметов, независимых от мысли: мы вынуждены сначала признать такое бытие за другими людьми, за всеми животными и, наконец, за неизмеримым миром неодушевленной природы. Конечно, все это *гипотезы*—но их требует и оправдывает *сам же опыт*. Опираясь на его требования, мы приходим к выводу, что Марс такой же величины, как земля, что там существуют материки, моря, снеговые поля; нам кажется даже возможным, что и на планетах других солнц имеются величественнейшие виды — хотя бы они не производили чувственного впечатления ни на одно живое существо... Все такого рода заключения делаются с таким же правом, как и заключения о том, что у нас было много ощущений, которых мы больше не припоминаем [11]). И несомненно, имея в виду Маха и его поклонников, Больцман восклицает: „Допустим, кто-либо станет рассматривать местности Марса просто с точки зрения *уравнений* между скудными *чувственными* восприятиями людей, относящимися к Марсу. Не создаст ли он столь же одностороннюю и нецелесообразную картину мира, как и тот, кто рассматривает существующим только *самого себя*, а не других людей?“ [12]). Философия „чистого опыта“ своей узостью не уступает *солипсизму*... Словом, вопреки всем рогаткам и плотинам эмпириокритических охранителей, сами же ощущения понуждают нас создавать понятия, далеко выводящие нас за их собственные пределы. Научное мышление целиком оправдывает *первое* положение наивного реализма: существует безмерный мир, независимый от мысли. Неприемлемо для науки только *второе* его положение, гласящее: мир действительный есть тот же, что и воспринимаемый. Научное мышление показывает, что „действительный“ мир далеко выходит за пределы воспринимаемого и нисколько от него не зависит. Но между тем и другим существует вполне определенная *закономерная связь*, и все наши суждения о мире „независимом“ опираются на непосредственные требования самого же мира воспринимаемого...

5. Как и в предыдущей главе, попытаемся проверить установленные положения на некоторых данных из истории живой научной мысли нашего времени. Начнем опять-таки с важнейшей

[11]) Ib. p. 177.
[12]) Ib. p. 178.

основы научной картины мира—с атомистического учения. Мы уже указывали, что для всякого физика, не зараженного идеалистическими предрассудками, атом есть действительность, совершенно независимая от мышления вообще и от всякого „восприятия" в частности. Для Маха дело обстоит иначе: все „тела" для него не более как совокупности ощущений, и всякая мысль о „материи", независимой от мысли—чистейшая бессмыслица! Вот слова самого Маха: „Зачинающееся естествознание содержит обильные вымыслы. Их большую часть без колебаний можно определить, как мифологию природы. Понемногу анимизм и демонология сменяются мифологией веществ и сил—механически-анимистической... мифологией. Ее следы простираются до нашего времени". И Мах пишет черным по белому: „Вспомните... атомы Демокрита и Дальтона, учения современных химиков... ионы и электроны... Мне сдается, эти причудливые современные представления—шабаш ведьм, заслуживающий внимания. Эти выродки воображения борются за существование, силясь перегромоздить друг друга" [13]). Поистине, самоубийственные строки! Они были написаны в ту самую пору, когда английские физики и их европейские сотрудники доказали истину гениальных прозрений Демокрита и Эпикура, превратили простую догадку в непреложнейшую истину, создали новую науку—науку ненавистных Маху атомов, ионов и электронов, которая обещает перевернуть сверху донизу всю борьбу человека с природой! Но и этого мало. Нетрудно показать, что, отвергая внешнюю действительность атома, Мах отказывается тем самым и от всего метода естественной науки—а значит и от самой науки. По справедливому замечанию Планка, „атомы—сколь мало мы ни знали бы об их ближайших свойствах,—не более и не менее действительны, чем небесные тела или окружающие нас земные предметы. Когда я говорю: атом водорода весит $1{,}6 \cdot 10^{-24}$ грамма, это положение содержит не меньшую степень познания, чем положение, что луна весит $7 \cdot 10^{25}$ грамма". Способы установки истины в обоих случаях одни и те же: отрицая один, мы обязаны отрицать и другой. „Правда, я не могу положить атом водорода на весы, вообще не могу его видеть; но и луну я также не могу положить на весы. Что касается зрения, то

[13]) Mach, Erk. u. Irrt.[2] p. 106 sq.

существуют *невидимые* небесные тела, чья масса измерена более или менее точно. Да и вообще не существует метода физического измерения, при котором было бы изъято всякое познание, покоящееся на *наведении*; это относится и к прямому взвешиванию. Один взгляд на лабораторию раскрывает нам всю совокупность опытов и *отвлечений*, содержащихся в столь простом измерении" [14])... Вопреки Маху, наука постоянно выходит за пределы чистого ощущения—даже при простом взвешивании. Наука не боится „наведений" и „отвлечений" от видимого к „невидимому". И вся научная действительность свидетельствует, что только ослепленный ум, одержимый предвзятой идеей, может оспаривать столь блестящие достижения научного метода и сравнивать их с шабашем ведьм. Согласно решительному заявлению Стеди, отказ от допущения действительного бытия атомов, независимо от их свойств—равносилен полнейшему отказу от разумения не только в химии, но и почти во всех естественных науках. Уже в течение полувека это мнение разделяется большинством ученых. Было бы совершенно недопустимо отделываться от вопроса допущением, что атомы—не особые действительности, а всего лишь „счетные знаки" для удобства теории, или выражаясь языком эмпириокритиков, только образы (символы). „Наука пренебрегает подобным реакционным сопротивлением—будет ли то исходить от философов-идеалистов (марбуржцы) или от позитивистов, естественников и математиков (Мах, Пуанкаре)" [15]). Любопытное свидетельство о том, как мало живая научная мысль считается со всеми „реакционными" поползновениями, сохранил нам выдающийся русский ученый К. Тимирязев. По его словам, в 1903 году ему случилось прочесть пресловутую „Натурфилософию" Оствальда, где немецкий химик—тогда еще поклонник Маха—предсказывал, что скоро настанет время, когда атомы будут существовать только в пыли библиотек. Под впечатлением этого пророчества Тимирязев приехал в Лондон. „После обеда... лорд Кельвин обратился к подошедшему к нам сэру Уильяму Круксу: „Крукс, угостите нашего гостя вашей новинкой". Крукс пригласил

[14]) Planck, D. Einh. d. phys. Weltb. p. 34.
[15]) Study, D. real. Weltans. p. 41.
[16]) Тимирязев К., Год итогов (1909), Наука и дем. 250.

нас проследовать... в какой-то темный чуланчик и, вынув из жилетного кармана маленькую трубочку, величиной не более обыкновенного микроскопного окуляра, передал ее мне. Никогда не забуду того впечатления, которое я испытал, заглянув в нее. Передо мной был рой падающих звезд, но на другом пределе космоса—атомы гелия, как позднее выяснил Рутерфорд, бомбардировали лучеиспускающую пластинку *спинтарископа*: это был он, этот остроумнейший прибор одного из наиболее изобретательных современных физиков. „Вы, конечно, понимаете,—добавил Крукс,—„то, что мы видим—не сами атомы, а подобие тех кругов, которые разбегаются на поверхности воды от брошенного камня". Когда я пришел в себя от волнения, понятного только ученому, перед блестящим завоеванием человеческого ума—первая мысль, пришедшая мне в голову, была: „Ну, что скажут теперь Оствальд и К°? Куда упрячет он свое пророчество, не пережившее и нескольких недель?"... Тимирязев рассказывает нам о том самом опыте, который был впоследствии воспроизведен Перреном и Ульсоном; это все то же *косвенное* доказательство существования атомов, с которым мы уже познакомились в предыдущей главе со слов Рамзэя. Но физик нисколько не смущается тем, что он видит не сами атомы, а их *косвенное* действие на окружающую среду: он знает, что всякое истинное познание выходит за пределы простого „описания", тщетно прославляемого Махом... Тимирязев добавляет, что Оствальд впоследствии раскаялся. Не удивительно: в то самое время, когда он и его учитель навеки изгоняли атом за пределы познания и обличали шабаш ведьм,—в это самое время непредубежденные представители живой научной мысли уже преступили за все „вечные" пределы, овладели атомом—и даже стали носить его доказательство... в жилетном кармане...

5-а. От глубокой основы современного физического мировоззрения переходим к самому зданию; от физической химии к астрономии. Что может нам сказать Мах о размерах солнца, на которых уже споткнулись, как мы уже знаем, его марбургские соперники? В „анализе ощущений" Мах приводит любопытную выдержку из физиолога Геринга: „Заходящее солнце, как зримый предмет, есть плоский круговидный обрывок, состоящий из желто-красности, т.-е. из некоторого зрительного ощущения. Поэтому мы можем обозначить его прямо как круговидное желто-красное ощущение. Это ощу-

щение мы получаем именно там, где для нас является солнце“ [17]). Итак, что же такое солнце? „Круговидное желто-красное ощущение“, или же оно таково только для нас, а в действительности это огромное скопление вещества, превосходящее всякое ощущение? Еще раз, кто прав, первобытный дикарь или современная наука? Мы уже слышали трубный возглас одного из Маховых оруженосцев, Петцольдта, приглашающего нас вернуться к лучистому утренне-свежему миру нашего детства и первобытных народов. И действительно, круговидное и желто-красное ощущение гораздо ближе к эмпириокритицизму, чем шар в 1392 триллиона кубических километров: ведь первое есть „данность“, а второй—только предмет *гипотезы*, выходящей за пределы всякого „ощущения“—тягчайшее преступление для Маха... Еще пример. Христианское средневековье, вместе с Птоломеем и „первобытными народами“, глубочайше убеждено, что солнце вращается вокруг земли. Современная наука, вслед за Аристархом и Коперником, не соглашается верить первобытному „ощущению“. Кто же прав—Птоломей или Коперник? Первобытный дикарь или наука? Мах решительно заявляет, что учения Птоломея и Коперника „*одинаково верны*“ [18]). Вся разница между ними в том, что у Коперника взаимное приспособление мыслей проще. У Птоломея земля покоится; неподвижные звезды вращаются все сразу: солнце, луна и планеты—каждое светило имеет свои особые движения. Напротив, Коперник, а равно и его древние предтечи, все движение светил сводят к двум—круговым и около-осевым... Еще раз: вся разница, по Маху, в том, что система Коперника проще, более удовлетворяет требованию „экономии мышления“; между тем, и в системе Птоломея, за которую так держалось все христианское средневековье, нет никаких противоречий: все мысли в ней столь же хорошо „приспособлены“ друг к другу, как и у Коперника [19]). Обе *одинаково верны*—поскольку обе они описывают одни и те же „ощущения“—а они и не могут быть ничем, кроме таких *описаний*... Рассуждая в таком же духе, можно было бы доказать, что и система *первобытного дикаря* с его желто-красными ощущениями, и учение *современного естествознания — одинаково верны*... Или

[17]) Mach, Anal. d. Empf.[4] p. 22 u.
[18]) Mach, Mech. p. 242.
[19]) Mach, Erk. p. 176.

даже, пожалуй, первая много вернее: она, несомненно, гораздо „проще“ „описывает“ данные опыта и гораздо больше приспособляется к ощущению; между тем, мы уже слышали от Планка, как много сложных *косвенных* приемов требуется современной науке для измерения светил... Опровергать астрономические упражнения Маха нет надобности: достаточно их изложить.

5-в. Наконец, как обстоит дело с венцом величественного здания современного научного мировоззрения—с теорией развития? Перед эмпириокритиками встает во весь свой рост грозный вопрос, с которым так плохо справились их марбургские соотечественники. Если весь мир существует только в мышлении—как быть с учением, что человеческое мышление появляется на самой поздней ступени развития той весьма отличной от него действительности, которую мы именуем землею? В чьем же мышлении существовала земля мильоны лет *до* человека? Не придется ли нам прибегнуть к особому сверхчеловеческому сознанию? Отмечая это затруднение, один из вождей школы, Рихард Авенариус, придумал такой выход. Когда мы спрашиваем, как должны мыслиться земля и мир до появления человека, мы должны „примыслить“ себя в качестве зрителя. Еще дальше пошел один из учеников Авенариуса, Вилли. По его мнению, нисколько не обязательно примышлять человека; было время, когда его не было; но были другие животные, менее совершенные, но все же способные мыслить эмпириокритически. „Мир животных—будь то ничтожнейший червяк—мы должны рассматривать как простейших сочеловеков, коль скоро жизнь животных берется в связи с общим опытом“ [20]). Нет надобности дальше распространяться об этом предмете. Если марбургские Дон-Кихоты во имя своей дамы, „чистой“ мысли, делают Дарвина полусознательным кантианцем, то эмпириокритики, во имя своих ощущений, идут еще дальше: они просто превращают великого естествоиспытателя в ученика Авенариуса. Но хуже всего то, что положение не спасается: никакими „примышлениями“, при участии червей или без них, невозможно упразднить гипотезу независимого от мысли внешнего мира, принимаемую естествознанием...

6. До сих пор, при оценке всех упразднительных попыток

---

[20]) Avenarius, V. f. w. Ph. (1895); Mitmenschen Willy ib. (1896). Подробности в рус. лит. ср. у Ленина, Матер. и эмпир.[2] pp. 70, 74.

эмпириокритицизма, мы призывали его на очную ставку с действительной, неискаженной научной мыслью. Однако, столь же поучительное зрелище можно получить и другим путем: пригласить нашу „философию“ на очную ставку со своими собственными созданиями. В самом деле, что такое, по Маху, так-называемая душевная жизнь? Это—„часть жизненных действий, которые разыгрываются в больном *мозгу*“ [21]). Что такое сознание? Это—особо важное соотношение частей мозга; последнее слово даже особо оговаривается [22]). Наконец, что еще более удивительно, сами ощущения, эти начала мира (элементы) определяются как частичные явления сознания... И это пишет тот самый естествоиспытатель, который объявил „элементы“—ощущения непереходимыми границами познания, вне которых нет никакой действительности! Но еще любопытнее, пожалуй, что, касаясь вопросов физиологической психологии, Мах заявляет о своем полном согласии с обобщениями Леба [23]), которые, выражаясь языком самого Маха, можно назвать „чудовищными обнаружениями“ самого догматического материализма [24])! Еще более выразительную картину дает нам творчество другого общепризнанного вождя школы. Авенариуса. Как известно, главная героиня его сложной философской драмы (на его своеобразном языке именуемая системой С) есть „центральная *первая* система“. Наконец, Петцольдт заявляет более чем решительно: „Не мышление, а мозг определяет положение человека в природе. Мышление не имеет никакой жизненной (биологической) задачи; оно только спутник известных жизненных (биологических) совершений“ [25]). Сердце млекопитающих—заключительный итог долгого органического развития. Так же обстоит дело и с логическим постоянством—истиной; она обладает чисто животной (физиологической) подосновой, которая происходит начисто из телесного (физического) развития; все научно-философские убеждения людей целиком определяются итогами этого естественного развития. „Духов-

---

[21]) Mach, Erk. u. Irrt. p. 50.

[22]) D. Bewusstsein... eine besonders wichtige Wechselbeziehung der Teile (des Gehirns), p. 109.

[23]) Ib. p. 53.

[24]) Ср. их критику у Вагнера, Ср. психол. I 222 sqq.

[25]) Nicht das Denken sondern das Gehirn (macht) die Stellung des Menschen in der Natur. Das Denken hat keine biologische Aufgabe, es ist nur der Begleiter gewisser biologischer Vorgaenge, Petzoldt, Einf. 2, p. 93.

ное становление должно постигаться в соотносительной зависимости от *телесного* (физического). ...История учений о действительности есть одновременно история развития соответствующих частей *мозга*“ [26]). Ни один самый последовательный материалист не захочет большего. Тут мы находим не только признание мира независимого от мысли, но и самое неприкрытое утверждение самой подлинной, ни от кого и ни от чего не зависящей материи. Более того, вся душевная жизнь, и даже значимость логической истины—все оказывается неотделимым и непременным спутником все той же единой всеобъемлющей материи! И не странно ли слышать из уст столь решительных материалистов, что материя есть только плод воображения, „метафизическая чертовщина“, шабаш ведьм, вера в привидения?

7. Мах, Авенариус и Петцольдт поклонились тому, что сжигали. Но мы уже достаточно знакомы с их философским обликом, и нас уже не удивляет, что он так часто преподносит нам самые разительные неожиданности. Напротив, они только еще резче оттеняют немаловажную черту, с которой нас уже достаточно познакомила марбургская школа. Поставив на своем знамени „преодоление скептицизма“, наши философы торжественно выступают на боевое поприще—во славу того же мнимо-отвергнутого агностицизма. И незачем повторять еще раз, что, подобно своим марбургским соперникам и соревнователям, они провозглашают свое „не знаем и не узнаем“ гораздо решительнее, чем Спенсер и Кант: та область, которую они отмежевывают для своих ощущений, приемлет только один вид бесконечности—бесконечную узость. И весь смысл эмпириокритического кумира, именуемого „чистым опытом“, заключается именно в том, что он на каждом шагу преступает себе же предписанные пределы. Это неудивительно. Человеческая мысль—самый непокорный из всех бунтовщиков; никто не в состоянии наложить на нее оковы—даже она сама; она может только стараться уверить себя, что она способна на такое самопорабощение. Тщетная попытка! „Наш внутренний мир безвладычен“, так сказал он сам о себе устами Эпикура.

---

[26]) Die Geschichte der Theorien des Wirklichen ist zugleich die Geschichte der Entwicklung entsprechender Hirnteile, etc. p. 285.

ГЛАВА X.

1. Рядом с „обоснованием на положительной науке“ и „преодолением скептицизма“, на марбургском знамени мы видим еще одно начертание: „изгнание метафизики“! После предыдущей оценки мы уже заранее можем сказать, что и здесь мы имеем дело только с блестящей и громкой словесной хлопушкой. Однако, чтобы покончить с критическим идеализмом, рассмотрим хотя бы вкратце, в какой мере способны наши пророки вести борьбу с той своеобразной умственной болезнью нашего века, имя которой метафизика.

2. Прежде всего, что разумеют они под этим весьма многосмысленным словом? „Всякий реализм, не основанный на идеализме чистого наукоучения, есть эклектизм“ [1]). Под реализмом Коген разумеет положительное учение о бытии; под идеализмом чистого наукоучения—марбургское открытие, что все бытие созидается мышлением; под эклектизмом — метафизику. Положение дел ясно: всякое учение, приемлющее действительность, независимую от мысли, есть метафизика. И мы уже убедились на многих примерах, как решительно выступают все марбургские пророки против „вещного“ понимания бытия [2]). Все они заклятые враги „всякого материализма“. Под этим же многосмысленным словом отнюдь не следует разуметь одно из довольно значительных, но преходящих естественно-научных течений, связанное с именами Бюхнера, Фохта и Молешота; речь идет обо всем естественно-научном мировоззрении в его целом; достаточно припомнить отношение марбуржцев к современной физической химии, астрономии и биологии. Провозглашая бытие мира, независимого от мышления, современное естествознание, в глазах Когена и всех критических идеалистов, ставит себя на один уровень с любым религиозно-метафизическим учением о сверхразумном боге, потусторонней душе и т. п. созданиях донаучного воображения. „Независимо от эклектизма“, говорит Коген, есть только одна противоположность идеализму; таковою был и остается материализм.

---

[1]) Realismus, der nicht im Idealismus der reinen Erkenntnisse gegruendet ist, ist Eklektizismus, der ebenso sehr Materialismus, wie Spiritualismus ist. Cohen, Log. p. 511.

[2]) Cf. Natorp, Soz. Paed. passim.

Спиритуализм есть не что иное как материализм безусловного“ [3]). Итак, „материализм“ в широком смысле слова, т.-е. современное естествознание вообще, для „критической философии“ есть такая же метафизика, как и средневековый спиритуализм! Это не случайная ошибка пера, легко объяснимая у всякого одержимого „критической болезнью“: это вполне законный вывод из всей критической философии. Для всех ее оруженосцев научный реализм—только „неясный клич, суетно звучащий в широких и глубоких пространствах“ науки [4]). Вся картина мира, созданная великими естествоиспытателями,—только ряд обманчивых учений, сплетенных со старыми, почти неискоренимыми предрассудками [5])... Еще раз: положение дел ясно. Подлинная живая наука отвергает единодержавие чистой мысли — во имя самой же мысли: без допущения мира, от нее *независимого*, она не в состоянии овладеть даже своим собственным внутренним миром. Напротив, критическая философия провозглашает единодержавие чистой мысли — вопреки действительным запросам самой же научной мысли, которые она клеймит метафизикой. Поэтому борьба критической философии против провозглашаемой ею метафизики есть прежде всего борьба *против положительной науки*. Для марбургских героев все Больцманы, Бертло, Рамзэи—не более как жалкие эклектики, которые боятся признать единодержавие чистого „разума“ и на каждом шагу продают его неотъемленные права за чечевичную похлебку вещной метафизики. Другое дело — Коген и Натори, эти рыцари „безусловной“ мысли, ведущие свою родословную по прямой линии от религиозно-политических фельетонов Платона, отца христианского богословия и средневековой схоластики...

3. Как известно, догматический идеализм средневековья отвергал верховные права человеческого разума во имя познания сверхразумного—божественного откровения. Марбургская школа, как мы убедились, далека от признания неурезанных прав научного мышления. Однако, ее представители глубочайше убеждены в обратном; они на каждом шагу подчеркивают свою неизменную и пламенную преданность чистому разуму и свое отвращение ко „всякому спиритуа-

[3]) Spiritualismus ist nichts anderes als der Materialismus des Absoluten etc. Cohen ib. p. 517.

[4]) Ib. 511.

[5]) Natorp, Log. Grundl. p. 301.

лизму". Поэтому есть все основания ожидать, что критический идеализм не только на словах, но и на деле отрешится от всякого родства со своей средневековой предшественницей. Нет нужды, что он чужд живой научной мысли настоящего; он все же мог бы сыграть свою роль в борьбе с донаучной мыслью прошлого. Нет нужды, что своей однобокостью он урезывает права положительного знания; он все же мог бы принести свою пользу в борьбе с теми, кто не только урезывает, но и вообще отрицает самоутверждение науки. Представляя собою ложное знание, враждебное действительной внутринаучной истине, критический идеализм все же мог бы послужить, по крайней мере, бродилом при разложении еще более ложных движений мысли, противонаучных не только по своей природе, но и по своему обиходному значению. Выражаясь еще проще: при всей своей вненаучности, марбургская школа могла бы оказать некоторую услугу науке в ее вековой тяжбе с догматической религией... Однако, не трудно убедиться, что даже такие умеренные ожидания, по меньшей мере, сомнительны. Мы уже знаем, что марбургское чистое мышление создает все основы бытия. Бытие—только „полагание" мышления. Отсюда и основная задача чистого разума: это—задача перворождения или изначала, устанавливающая основы его неограниченной творческой самодеятельности [6]). Само собой разумеется, такое изначальное мышление, порождающее весь мир, не может быть достоянием обыкновенного смертного. Коген прямо именует его нечеловеческим мышлением [7]). Из дальнейших прорицаний об этом таинственном изначале бытия мы узнаем, что оно есть „относительное ничто", и что именно поэтому оно есть источник всего логического, а значит и всякого бытия [8])... Остроумный немецкий математик, неоднократно уже упомянутый, приводит несколько образцов таких прорицаний, особенно разительных в глазах представителя положительной науки. Мы последуем его примеру, предупреждая заранее читателя, что ломать голову над их смыслом—вещь совершенно бесполезная. Вот они: „Само же порождение есть порожденное"; „на повороте к Ничто суждение являет изначало для Нечто"; „относительное Ничто закрепляет себя целиком и без дву-

[6]) Problem des Ursprungs etc. Cohen passim.

[7]) Nicht menschliches Denken, Cohen ib. 39.

[8]) Ein relatives Nichts etc. Urquell des Logischen, Natorp, ib. 25 sq.; cf. Cohen, p. 77 etc.

смысленности в связи соотносительным Нечто"; ...посему беззаботно и уверенно может Непрерывность предпринимать свои путешествия в страны „Ничто" [9]). Само собою разумеется, это сверхчеловеческое начало не имеет ничего общего с такими вещами как чувственное или даже умственное „сознание": понятие „сознания" слишком опытного происхождения, и Коген справедливо исключает его из своей „логики изначала". Точно так же нет надобности доказывать особо, что все слышанные нами суждения находятся по ту сторону не только обыденного „сознания", но и за пределами всякого положительного знания вообще. Даже такой беззастенчивый преобразователь „математики", как Герман Коген, не решается утверждать, что плоды его творчества известны живой математической мысли. Для обозначения их познавательного источника придумывается совершенно особый вид познания—„мышление изначала", о котором настоящие математики вроде Стеди могут говорить только с пренебрежением... И было бы, конечно, неправильно видеть здесь непоследовательность или случайный уклон: мы не раз уже достаточно убедились, что марбургское чистое мышление самодейственно творит все виды бытия и уже по одному этому не имеет ничего общего с мышлением действительным. И само марбургское изначало, и все его отдельные „полагания" превращаются из чистых понятий в *потусторонние сущности*, независимые от всякого живого мышления. Безусловное мышление, провозгласившее себя творцом живой мысли, само оказывается по ту сторону всякой мысли. И недаром, согласно разысканиям Наторпа, платоновское „благо" и когеновское изначало тождественны [10]); то же и с платоновской красотой; все это понятия сверхопытные „*сверхнаучные*", ибо они-то и суть предосновы всякой науки [11]). Правда, толкования Наторпа достойны богословских упражнений на тему, что свободная любовь Соломона и его прекрасной подруги есть прообраз союза Христа с Церковью; платоновская „идея", конечно, гораздо осязательнее, чем Когеновское Ничто. Но одно несомненно: и то и другое, выражаясь языком Пла-

[9]) Cohen, pp. 26, 69, 77, 99; Study p. 55.

[10]) Das ἀγαθὸν... Prinzip des Logischen ueberhaupt als unbedingt Gesetzlichen, Pl. Ideenlehre, passim.

[11]) Das καλὸν das Formale der inneren Einstimmigkeit, das Transzendentale, weil alle Wissenschaft begruendend, ib.

*

тона, находится „по ту сторону“ всякого бытия[12])... Марбургские откровения во всех смыслах могут помериться с тем, что Больцман именует нетрезвой и пустопорожней метафизической болтовней всевозможных Платонов, Плотинов и Гегелей. Критический идеализм недаром усматривает в расплывчатых фельетонах Платона начало и конец всякой премудрости. При всем различии Платона Марбургского и Платона Афинского, их объединяет одно: понятие некоторой силы, стоящей *по ту сторону* обычного научного познания. По справедливому замечанию Стеди, „идеализм переходит здесь в *мистику*, которая везде утверждает особые наития и прозрения (интуиции) своих представителей“ [13])...

4. Однако, можно пойти еще дальше. Марбургские мистики не ограничиваются общим понятием некоего „изначала“, лежащего в основе бытия; они посвящают нас и во все подробности его внутренней природы. Одна из них нам уже, в сущности, известна. Все бытие есть „порождение“ изначала, создание его творческой деятельности. „Никакого бытия, никакого предмета, никакого познания до него. Ибо всякое бытие, всякий предмет, всякое чистое познание—через него“ [14]). *Всемогущество*—первое неотъемлемое свойство изначала. Порождая самопроизвольно все виды и отношения бытия, „изначало“ созидает, между прочим, все содержание пространства и времени; следственно, оно само не зависит от них: оно *бесконечно* и *вечно*. Наконец—и это самое главное—все его творческие полагания совершаются по строго необходимым однозначным законам, не допускающим никакого уклонения от *единого* определенного пути. „Требование единственности есть требование мышления, но не мышления вообще, а мышления определеннейшего“ [15]), каковым для Наторпа является бескровный и безликий плод схоластического мышления его приятеля Когена. Единое и единственное всемогущее изначало не может потерпеть в своих недрах никаких самостоятельных своеобразий. Правда, Коген говорит иногда о „животном человеке“ и других чувственных вещах, способных запятнать всякое чистое „единство“; но мы уже указывали, что это—непосле-

[12]) ἐπέκεινα τῆς οὐσίας, Plat. Polit. 509 b.
[13]) Study, p. 56.
[14]) Cohen, Log. 101.
[15]) Natorp, Log. Grundl. 313.

довательность. Заговаривают иногда марбуржцы и о „личности". Но они отнюдь не имеют в виду живую, чувственную личность, которая рождается, борется, познает, рождает себе подобных и умирает вопреки всяким методам чистоты. В чистой философии, т.-е. философии, очищенной от всяких следов здравого смысла, речь может итти не о живой особи, а только о „чистой воле": бледный и бескровный призрак с чрезвычайной легкостью порождается всетворящим и вездесущим изначалом [16])... И нетрудно догадаться, какой смысл приобретает понятие „особи", „неделимого",—если его избавить от всяких чувственных определений. Предоставим слово Когену. „Неделимое есть не более как единство методических правил, поучающих нас искать и находить путь к законам" [17])... Бедный пророк чистого мышления! До какой глубины самоотверженья, до какого пламенного преклонения перед собственной одержимостью надо было дойти, чтобы приравнять собственную личность к совокупности логических правил! Однако, чувство сострадания не должно отклонять нас от предмета, которому мы теперь с полным правом можем подвести некоторый общий итог. Выше мы познакомились со сверхчеловечностью и „сверхначчностью" марбургского изначала, теперь мы можем прибавить к ним всемогущество, вечность, бесконечность и, наконец, вседержавное единство, не терпящее в своих недрах никаких частных самостоятельных своеобразий. Перед нами с поразительной отчетливостью выступают все главные черты старого знакомого—вековечного кумира дряхлой метафизики—бога. Правда, марбургские богоносцы очень боятся обвинений в спиритуализме и не согласны именовать своего кумира богом; под идеей бога они разумеют просто „веру в могущество добра, надежду на осуществление справедливости" [18]), но вопрос о словах нас не занимает; с нас достаточно и того, что марбургское „изначало" обладает всеми божественными правами и свойствами... Даже более того. Можно ли сравнивать простодушного бога религии и старой метафизики с величественным созданием „чистой" логики! Бог Авраама,

[16]) Cohen, Eth. d. rein. Will. p. 142.

[17]) Das Individuum als Gegenstand ist nichts als die Einheit von methodischen Regeln, die den Weg zu den Gesetzen suchen und finden lehren, Cohen, Log. p. 319.

[18]) Cohen, Vorw. zum Lange passim.

Платона, Августина и Канта, всегда был очень подозрителен по части божественной чистоты: при ее поверке всегда оказывалось, что он создан по образу и подобию человека; все небесные его свойства без труда обнаруживают самое земное происхождение. Другое дело бог Когена и Наторпа. Он прочитал, по меньшей мере, их основные философические произведения и очень заботится о своей чистоте. Все свои свойства, унаследованные от не слишком почтенных предков, он провел сквозь очищающее горнило логики изначала; в свои недра он не допускает ни одной чувственной вещи. Даже почтенным личностям своих пророков он предоставляет только одно право, правда, вполне сверхчеловеческое право быть собранием правил чистой логики...

5. Впрочем, преимуществ марбургского бога не следует преувеличивать. Как известно, его древний предшественник, бог Авраама, Платона, Августина и Канта, всегда испытывал некоторые препоны при развертывании своего всемогущества и всеединства,—как бы эти препоны ни назывались —дьяволом, мировым злом, материей или вожделением. Живая „вещественная“ действительность решительно противится всяким попыткам растворить ее в бесплотном всеединстве безжизненной отвлеченности; со всем своим неподатливым многообразием она беззастенчиво вторгается в мнимое божественное всеединство и превращает его в *двойственность*—единовластие бога сменяется *двоевластием* бога и вещества, духовного и плотского... Как же обстоит дело с богом Когена и Наторпа? При всех своих истинно-божеских свойствах он не желает быть сверх-мирным, потусторонним: это значило бы оскорбить самого себя; это значило бы признать рядом с собой некоторое чужеродное, ограничивающее начало. Он хотел бы до конца сохранить свою „изначальную“ чистоту, свое мирообъемлющее единство... Однако, мы уже отметили один существенный недочет марбургского бога: подобно своему древнему предтече, он оказывается по ту сторону всякой научной мысли. Не трудно показать, что он разделяет целиком и дальнейшую участь Канто-Моисеева бога: он пребывает по ту сторону всякого бытия. Обратим внимание на только что приведенные слова Когена о „вере“ в могущество добра, о надежде на осуществление справедливости. Повидимому, в царстве чистой мысли не все обстоит благополучно: есть какая-то действительность, не желающая подчиняться никаким

божественным предписаниям; напротив, она смеется над ними; иначе не пришлось бы прибегать ни к вере ни к надежде. Действительно, нам уже приходилось упоминать о том, что Коген признает существование не только чистого и справедливого государства, но и государства классового, которое издевается над самыми простейшими требованиями чистой нравственности; а Наторп и прямо говорит, что общественное развитие являет собою „тысячевидную неразумность и беззаконность“[19]). Таким образом, несомненно существует действительность, противоборствующая божественному изначалу; на одной стороне оказываются и добро и справедливость как признаки божества; на другой—неподатливая и низменная вещественность. Всепоглощающее чистое изначало становится надмировой, потусторонней сущностью—словно у какого-нибудь Моисея или Канта. Особенно резко выступает это раздвоение у Наторпа. В противовес чисто-растительным отправлениям чувственного человека являет себя „закон идеи“. В борьбе между двумя началами одерживает верх идея—но только путем медленного, постепенного развития... И дело, конечно, не меняется от того, что марбургский бог именуется „общественным разумом человека“: ибо этот разум отнюдь не признается „опытным законом природы“; напротив, он объявляется невыводимым из „общественного вещества“. Не существует никаких законов природы вне мышления; поэтому низменное вещество оказывается лишенным всякого закона; для своего оживотворения оно нуждается в деятельном вмешательстве все той же „идеи“. История человечества начинается лишь с того времени, когда оно становится причастно божественной идее [20])... Словом, пресловутое всеединство и чистота божественного изначала в марбургской религии оказывается столь же пустым звуком, как и во всякой религии вообще. Рядом с чистой действительностью божества оказывается противоречащая его всемогуществу, грубая вещественная действительность. Единоначалие (монизм) неизбежно переходит в двуначалие *(дуализм)*.

6. Перечисляя те условия, при которых марбургская религия согласна принять „идею социализма“ на свое единоспасающее лоно, Коген ставит на первом месте два условия. Первое гласит: материа-

[19]) Ср. выше, гл. 8, прим. 14 и 15.
[20]) Natorp, Soz. Paed.[2] (1904); cf. Cohen, Eth. passim.

лизм—его нынешняя основа—должен быть не только временами потрясаем, но и целиком упразднен. Второе: увенчанием здания в социализме, как и в этике должна быть идея *бога*, под которою следует разуметь не какую-либо „сущность", а просто чистую идею торжествующего добра [21])... Действительно, весьма важные условия! Упразднение материализма! Увенчание здания идеей бога! Если первое условие еще оставляет какие-либо сомнения о подлинном существе марбургской борьбы с метафизикой, то второе само говорит за себя. Мистицизм оказывается не только постоянным гостем марбургской философии—он чувствует себя здесь хозяином и решительно требует „увенчания". И было бы совершенно праздным занятием ссылаться на то, что речь идет не о какой-нибудь „сущности", а о чистой идее. Неужели *понятие* бога становится чище и „научнее" от того, что оно провозглашается чистым и научным? Нам говорят, что старая потусторонняя религия упраздняется; на ее место вводится новая—в границах разума. Одно из двух. Или новое мировоззрение целиком остается „в границах разума" положительной науки—и тогда все слова о „боге" и религии—только пустые слова. Или же они вводятся не даром; под ними скрывается некоторое особое содержание, выходящее за пределы обычных научных понятий. Но если допустить последнее предположение, мы оказываемся в объятиях самого заурядного „сверхнаучного" спиритуализма. И в самом деле. Мы только что доказали, что марбургские проповедники, наперекор всем своим желаниям, не в состоянии упразднить бытие вещественного мира, который не только существует независимо от мысли, но и явно противится ее простейшим требованиям. Мы доказали также, что марбургская проповедь отнюдь не отрицает противоположность между двумя мировыми началами—богом и веществом, Добром и Злом; напротив, наперекор своей пламенной вере в единодержавие разума, творцы новой религии говорят о неразумии действительности с самым пламенным воодушевлением. А в таком случае—какое значение может иметь оговорка о „чистой идее"? Только робость мысли, беспомощное колебание между безбожной наукой, потусторонней религией и собственными предвзятостями могли остановить марбургскую мысль на полдороге. Неужели тот, кто убежден в действительном, вселенском

[21]) Cohen. Vorw. zum Lange.

бытии Добра и Зла (с большой буквы), помирится с бескровным призраком чистой идеи? Неужели тот, кто верит в конечное торжество божественного начала над неподатливой, иногда даже слишком независимой от него действительностью, не отвернется с пренебрежением от жалкого создания профессорской кабинетной мысли? Подлинной верой в Добро с большой буквы одушевлен только тот, для кого оно нечто большее, чем бесцветная и бездейственная чистая идея; кто с упоением и несокрушимой верой утверждает бытие сверхмировой „силы“, независимой от всякой чистой логики. И, признавая раскол между „добром“ и „злом“, между „изначалом“ и независимой от него вещественностью, марбуржцы обязаны сделать еще один шаг: они обязаны открыто признать живое, сверхмировое бытие старого, многоопытного бога самой обывательской религиозной метафизики, бога—законодателя, управителя и провидца. Они могут утешать себя тем, что для такого шага им не потребуется особых усилий: их знаменитое „изначало“ и без того уже наделено всеми божественными первосвойствами, и заранее объявлено предметом особого „сверхнаучного“ познания. Старый бог находит себе и здесь достойного преемника. „Логика чистого знания“ прямым путем ведет к логике Моисеева пятикнижия...

7. Правда, возможен и другой выход. Можно признать, что никакого Добра и Зла с большой буквы не существует; все это „человеческие, слишком человеческие“ представления. „Вечность—дитя, играющее в кости. Царство дитяти“ [22])! Так говорил Гераклит. Царство природы есть царство дитяти, не ведающего никаких целей в своей неустанной игре. Цель и смысл вносит в природу только человек. Его мысль—в постоянной борьбе с действительностью, независимой от всякой мысли. Постоянно расширяя свое знание ее неисчерпаемых многообразий, он заставляет ее служить его целям, осуществлять чуждые ей замыслы. „Наука не только созидает явления,—она обладает способностью восстанавливать то, что она разрушает; она обладает даже способностью образовывать множество *искусственных созданий*, которые подобны созданиям естественным и причастны всем их качествам“. Живая научная мысль далека от того, чтобы быть рабой внешней действительности. „Мы не довольствуемся тем, что восходим мыслью к вещественным преобразова-

[22]) Αἰὼν παῖς ἐστι παίζων, πεσσεύων. Παιδὸς ἡ βασιληίη, Heraycl, r. 52.

ниям, которые производились некогда и которые производятся ежедневно в мире минеральном и органическом. Мы не довольствуемся тем, что схватываем их беглые черты прямым наблюдением наличных явлений и существований. Не выходя из круга законных надежд, мы вправе притязать на постижение общих прообразов всех возможных „сущностей“— и их осуществлять. Повторяю, мы можем притязать на *вторичное образование всех веществ, которые развились с начала вещей.* Мы образуем их в тех же условиях, в силу тех же законов, тех же двигателей, которых природа заставляет участвовать в их образовании“ [23]). Так гласит гордое заявление Марселена Бертло, творца современной органической химии, этой, по выражению Ренана, самой философской из наук [24]). Живая научная мысль не желает иметь ничего общего с бесплодным онанизмом марбургской школы. Она не боится признать бытие огромного мира, от нее независимого. Этот мир не может стать для нее богом-повелителем: она сама выступает в почетной роли его соперника. Она не только *созерцает* его, она его *преобразует.* Знание есть власть. И для установки согласия между человеком и природой, для победы над „злом“, оно не нуждается ни в каких, хотя бы даже „чистых“ понятиях о боге. „Религии завладели нравственностью; но они не создали ее, и они слишком часто противились развитию и продвижению. Действительно, в этой области, а равно и в области метафизики, они только заимствовали у знания, им современного, его понятия и предположения,—и тотчас же возвели их в безусловные учения, в окончательные уставы“ [25])... Религия и метафизика не могут жить без заимствований у науки; науке нечего от них заимствовать. Чуждая всяких мистических вторжений, явных или скрытых, она без всякой веры и надежды на божество собственной мощью „преобразует человечество, одновременно улучшая его внешнее положение и развивая его ум... Наука господствует надо всем: только она одна оказывает решающие услуги. Ни один

[23]) M. Berthelot, La synthèse chimique [2], p. 277: Non seulement elle (la chimie) crée des phénomènes, mais elle a la puissance de refaire ce qu'elle a détruit; elle a même la puissance de former une multitude d'êtres artificiels, semblables aux êtres naturels, etc.

[24]) Cf. la parole de Renan à Berthelot, le 27 nov. 1883, Berthelot, Sc. et mor. p. 53.

[25]) Berthelot, Science et Morale, p. 2.

человек, ни одно учреждение не приобретет отныне длительного влияния, если они не сообразуются с ее научениями“ [26]). Последние слова относятся непосредственно к марбургской школе.

ГЛАВА XI.

1. „Божествен опыт, альфа и омега всяческого познания. Одна из его скрижалей закона гласит: „Не сотвори себе кумира и всякого подобия; да не будут тебе боги иные, кроме меня“ [1]). Эти слова остроумный немецкий математик вкладывает в уста эмпириокритикам и всем их единомышленникам. Мы уже убедились, что эмпириокритическая скрижаль закона гораздо менее осуществима, чем знаменитые синайские предписания. Ее торжество было бы полным ущербление науки. Однако, эмпириокритицизм, как-никак, все же требует уважения к чувственному опыту и объявляет беспощадную войну всякой метафизике. Поэтому есть основания ожидать, что если он и урезывает науку, суживает ее величественный размах, то, во всяком случае, он окажется в стороне от всяких метафизических построений. Посмотрим же, насколько основательны подобные ожидания.

2. Припомним сначала данные, нами уже установленные. Подобно марбургской школе, эмпириокритицизм с упоением и трубными звуками возвещает полное упразднение всякой действительности, независимой от мысли. Кто же тот враг, над которым он торжествует победу? „Большинство естествоиспытателей,—говорит Мах,—доселе взращивают в области философии тот полуторавековой материализм, чью недостаточность, во всяком случае, давно уже усмотрели не только призванные философы, но и все чуждые философскому мышлению“ [2]). Итак, первый и, повидимому, весьма упорный враг мнимой „естественно-научной“ философии оказывается довольно неожиданным: Мах сам говорит о „большинстве“ естествоиспытателей. В своем пресловутом „учении о теплоте“, которое нашло достойную оценку у таких физиков, как Планк, Мах также с прискорбием устанавливает, „как страшно упорно и ужасающе

[26]) Ib. préface sub fin.
[1]) Study, D. real. Weltans, p. 26.
[2]) Mach, Erk. u. Irrt. p. 4.

простодушно все чисто-механистические представления о сущности (субстанции) постигаются подавляющим большинством выдающихся исследователей современности“ [3]). „Чисто-механистические представления о сущности“ на языке Маха означают учение о материи, как независимой от мышления действительности... Но нет надобности умножать ссылки: мы уже знакомы с выступлениями эмпирио-Дон-Кихотов против атомистического учения; мы были также свидетелями их приключений с Коперником и вообще современной астрономией; мы помним также, что им пришлось прибегнуть к услугам червеобразных дочеловеков, чтобы преодолеть теорию развития. Все, что выходит за узкие пределы непосредственно-данного, объявляется метафизикой. „Волшебство, вера в привидения, спиритизм, четвертое измерение пространства, молекулы, ионы и электроны, вообще материя в обычном смысле слова, априоризм, причинность, силы, химические теории и бог знает что—все это пестрое общество беспощадно уничтожается и исчезает в одной общей могиле, которая определена метафизике и всему ее „шабашу ведьм“ с ее близкими и дальними родственниками; для всех—одна неукрашенная семейная усыпальница. Смерть равняет все. А рядом стоит предназначенный для таких обстоятельств вития... и держит не слишком почтительную, но зато торжественную надгробную речь. На долю собравшихся поминальщиков и любопытных—мы чуть было не выразились, пировальщиков—выпадает утешительное и возвышающее назначение: они—свидетели всемирно-исторического события. В это мгновение зачинается новая полоса развития; молекулярное и прочее суеверие уничтожено, наступает дивное время бездогадочной науки“ [4])... Остроумные строки немецкого математика прекрасно выявляют подлинный смысл мнимого похода эмпирио-критиков против метафизики. Бесспорно, сами они глубочайше убеждены, что их бездогадочная (свободная от *гипотез*) философия есть единственная чистая истина, не запятнанная никакими подмесями необузданного воображения. А на деле наши рыцари чистого опыта способны только на одну малопочтенную победу—смешение

[3]) Wie furchtbar ernst und wie erschreckend naiv... von der grossen Mehrzahl bedeutender Forscher der Gegenwart aufgefasst worden sind (sc. die Substanzvorstellungen), Mach, Waermelehre, 363.

[4]) Study l. c.

живой науки с полуистлевшей метафизикой, умерщвление первой совместно с последней, их погребение в общей усыпальнице...

3. Однако, если эмпириокритические могильщики готовят горькую участь положительной науке, то не горше ли та участь, которой ожидает от них метафизика? Как бы то ни было, они все же согласны сохранить некоторую долю положительного знания: все, что не выходит за магический круг, начертанный знаменитым „ощущением". Напротив, вся метафизика исключается целиком и бесповадно: ибо весь смысл ее бытия заключается в явном или скрытом презрении ко всяким чувственным оковам. Урезывая живую науку, эмпириокритицизм все же как будто способен на гораздо более полезное предприятие — истребление ее самого злостного врага. И если часть подлинного человеческого познания хоронится в одной яме с познанием ложным—то, быть может, это не слишком дорогая цена? Похоронить живую мысль невозможно; мы уже не раз убедились в этом на примере тех же „Философов". Похоронить живой труп метафизики, до сих пор отравляющий своим тлетворным духом безграничное пространство общенаучного мировоззрения— предприятие не только полезное, но и вполне осуществимое. Еще раз: нет ли в эмпириокритическом похоронном предприятии таких положительных сторон, которые просмотрели его увлекающиеся недоброжелатели? К сожалению, эмпириокритицизм и здесь не хочет остаться позади марбургской школы. Что такое „ощущение"? Ходячий язык разумеет под ним беглые, неповторимые преходящие переживания — простейшие обнаружения так-называемой жизни сознания. Было бы очень смело пытаться построить все мироздание на столь зыбкой основе. „Кто полагает, что мир можно построить из сознания (с его преходящими состояниями), конечно, не уяснил себе, какую запутанность включает в себя данность сознания" [5]). „Ощущения", из которых Мах хочет построить весь мир, не могут быть *преходящими* переживаниями. Понятие ощущения должно быть расширено. И оно расширяется одновременно в обе стороны. Во-первых, в него включается сознание качества, предметности, времени, пространства, единства и тожества, равенства и различия; все это одинаково именуется „совокупностью ощущений" или „дан-

[5]) ... was fuer eine Komplikation die Tatsache des Bewusstseins einschliesst, Mach, Erk.[2] p. 44.

ностью". Во-вторых, оно определяется как то, что „совместно дано многим", т.-е. *не зависит от отдельных* познающих *сознаний*" [6]. Мы получаем весьма любопытное понятие единичных ощущений, которые „ни сознательны ни бессознательны": сознательными они становятся только путем вхождения в текущие переживания; но они могут существовать совершенно от них *независимо* [7]... И не только могут, но и должны: иначе откуда взялись бы общности и постоянство в мире наших переживаний? Мах решительно заявляет, что его „ощущения" существуют *независимо* от всяких „частных", преходящих ощущений: непосредственное знание изначал не может быть исчерпано ни в одном частном случае [8]... И все эти изречения целиком принадлежат тому же мыслителю, из уст которого мы уже слышали, что физическое и психическое по существу тожественны, непосредственно известны и даны [9]! То, что было признано *непосредственной* данностью, оказывается, существует *независимо* от всякой непосредственности. И было бы неправильно видеть здесь случайную непоследовательность; в эмпириокритических изначалах столь же мало случайного, как и в марбургском изначале. Мы уже знаем, что естественно-научное познание невозможно без допущения действительности, *независимой* от мысли. Отвергая ее на словах, наши „философы" должны были ввести ее на деле. Отрицая всякую „данность", Коген необходимо пришел к учению о потустороннем, сверхчеловеческом чистом мышлении; отрицая все, кроме данности, Мах столь же неизбежно очутился перед сверхчеловеческим чистым ощущением. И если марбургская школа сама открыто заявляет свое кровное родство с отцом христианской церкви Платоном, то эмпириокритики могли бы и в данном случае начать свою родословную с епископа Беркли. „Какую бы власть я ни имел над своими собственными мыслями, я нахожу, что прообразы (идеи), действительно воспринимаемые в ощущении, не находятся в подобной же зависимости от моей воли. Когда

---

[6]) Allen gemeinsam gegeben, Mach passim.

[7]) Die einzelne Empfindung ist weder bewusst noch unbewusst; bewusst wird dieselbe durch die Einordnung in die Erlebnisse der Gegenwart, Mach l. c.

[8]) Auch nicht in einem einzigen Spezialfall geloest ist, Mach, Anal. 198.

[9]) Ср. выше, гл.

я открываю глаза при полном свете дня, не в моей власти выбрать, что я буду или не буду видеть; не в моей власти также определить, какие частные предметы представятся моему взору. То же относится к слуху и прочим чувствам. Есть, значит, другая воля или дух, которые производят их" [10]). Совершенно также рассуждают махисты: наши чувствования *не зависят* ни от какой внутренней деятельности; значит, в их основе лежат некоторые начала, которые от нас не зависят, изначальные ощущения, которые ни сознательны ни бессознательны; они-то и оставляют в нас „следы", которые именуются представлениями [11])... „Прообразы ощущений,— продолжает Беркли,—имеют постоянство, порядок и связь, и возникают не невзначай, как это часто бывают с плодами человеческой воли, а в правильной последовательности или порядке, чья изумительная связь свидетельствует о мудрости и благости их Творца" [12]). Современные преемники английского епископа также любят говорить о постоянствах порядка и связи, провозглашая их главными особенностями своих сверхсознательных начал...[13]) Словом, если у Беркли „прообразы" приобретают значение особых духовных сущностей, независимых от преходящих ощущений, то у Маха тому же превращению постепенно подвергаются его изначала: из простых „переживаний" они становятся *независимыми сущностями*, пребывающими *по ту сторону* мышления. Начав с изгнания всякой нечувственной данности, эмпириокритики кончают тем, что *превращают самое же чувственную данность в сверхчувственную.* Логика чистого ощущения переходит в *мистицизм* и растворяется в нем с такою же неизбежной необходимостью, как и логика „безусловного" чистого понятия.

4. Мы только что слышали от Беркли ссылку на мудрость и благость Творца. Для английского епископа прообразы ощущений существуют только в мире „духа", Вседержащего Духа, воля которого созидает весь мир. Заранее представляется совершенно невероятным, чтобы наша „философия естествознания" последовала

[10]) The ideas actually perceived by sense have not a like dependence on my will, Berkeley, Princ., ch. 29.

[11]) Mach, Erk. p. 22: Erinnerungsspuren etc.

[12]) A steadness, order and coherence... testifies the wisdom and benevolence of its author, Berckeley, ib. 30.

[13]) Bestaendigkeiten etc. Mach, Erk. p. 275.

и здесь за своим учителем. Однако, что говорит нам сама действительность? Что такое „мир“ с эмпириокритической точки зрения? Вспомним знаменитое признание Маха: „В один прекрасный летний день, на приволье, весь мир вместе с моим „я“ представился мне как единая связная совокупность ощущений“ [14]). Сочетаясь друг с другом, изначальные ощущения рождают все многообразия бытия, начиная от „телесной“ (физической) природы и кончая „животным и культурным развитием человечества“. Правда, Мах очень плохой философ и поминутно сбивается на самый „обывательский“ материализм. Но для нас сейчас важны не отдельные мнения, а внутренняя логика учения. А с этой точки зрения Маховская „совокупность“ нисколько не уступает марбургскому изначалу: она также способна рождать все „вещи“. Ее творчество более медлительно и вяло; она не столько рождает, сколько равнодушно предоставляет рождаться; между нею и марбургским изначалом такая же разница, как между величественным пафосом Когена и трезвой кропотливостью Маха. Однако, и здесь и там мы имеем дело с миробъемлющей силой, которая всюду являет одно несомненное свойство—*всемогущество*.

Если оставить в стороне обычные непоследовательности Маха, та же сила созидает пространство и время; они отнюдь не являются какими-то независимыми от мысли действительностями: это всего лишь особые виды связей тех же „изначал“ начал (т.-е. ощущений) [15]). Эмпириокритический „мир“ оказывается владыкой пространства и времени: значит, он *вечен и бесконечен* в том смысле этого слова, который так любят метафизики. Наконец, нет и не может быть никаких видов бытия, кроме связей между „ощущениями“ (элементами); следственно, эмпириокритический мир обладает таким всепроникающим *единством*, которое может поспорить с любым созданием марбургского воображения. Что такое „я“, личность? Можно ли говорить о нем, как о некотором своеобразии, или же оно такая же „совокупность“ ощущений, как и любой камень или полено? „Первичное не есть „я“, а элементы (ощущения)... Элементы образуют „я“... „Я“ ощущает зеленое: это зна-

[14]) Die Welt... e i n e zusammenhaengende Masse von Empfindungen, Mach, Anal.[5] 24 u.

[15]) Mach, Erk. p. 434.

чит—элемент „зеленое“ выступает в известном сочетании с другими элементами (ощущениями, воспоминаниями). Когда *я* прекращаю ощущать зеленое, когда *я* умираю, элементы не выступают больше в обычном налаженном обществе. Этим все сказано“ [16]). Действительно, все. Ощущения существуют *до* личности и порождают ее. Личность, „я“—только совокупность ощущений, желтых, зеленых и прочих. Любое полено есть также совокупность ощущений—белых, серых и прочих... Пророк чистого ощущения еще бесстрашнее, чем пророки чистого мышления. Для Когена личность есть только собрание логических правил; это очень скучно, но не столь низменно. Для Маха личность—только внешнее сочетание „ощущений“ и качественно ничем не отличается от любого полена [17])... Самоуничижение нисколько не оправданное и служащее только одной цели: доказать всепроникающее единство маховского мира, который не терпит в своих недрах ничего выходящего за пределы чистого ощущения. Но сказанного достаточно. Рядом с марбургским богом ближайшее почетное место принадлежит богу эмпириокритического производства.

5. Впрочем, уже из предыдущих замечаний ясно, что с единством эмпириокритического бога дела обстоят более чем не благополучно. Мир ощущения раскалывается на-двое. На одной стороне оказываются *преходящие* переживания, известные обыденному языку под именем ощущений, восприятий, представлений; на другой стороне—постоянные содержания этих переживаний—ощущения в том смысле слова, который связывают с ним Мах и его ученики: *изначала, независимые* ни от каких преходящих переживаний. А еще раньше нам уже приходилось указывать, что ни один из вождей эмпириокритицизма не в состоянии обеспечить своей твердыни от еще более опустошительных вторжений: ни один не может обойтись без допущения действительности, независимой от всякого, даже по-маховски истолкованного, ощущения... Вспомним теперь, вместе с Махом, о „мучениях, которые претерпели наши предки от грубости их общественных учреждений, их правовых и карательных

[16]) Nicht das Ich ist das Primaere, sondern die Elemente (Empfindungen).. Die Elemente bilden das Ich etc., Mach, Anal.[5] p. 19.

[17]) Конечно, сам Mach, как и всегда, не остается верен своим предпосылкам, cf. Erk.[2] p. 462.

отношений, их суеверия, их фанатизма; взвесим богатое наследие этих благ в настоящем; представим себе все, что предстоит от них сопережить нам, потомкам“ [18])... Словом, не подлежит никакому сомнению, что рядом с миром изначальных ощущений, рядом с его прочными и устойчивыми связями, имеется еще другой мир, совершенно иного обличья. Строгие закономерности мира идеального осуществляются здесь лишь отчасти; для их неурезанного торжества необходимо вмешательство человеческого творчества. И Мах призывает к борьбе за „нравственный миропорядок“. Подобным же образом и Петцольдт ожидает торжества эмпириокритических идей только в будущем. Мир настоящего лишен „самого существенного признака всех целей нашего мышления и творчества—устойчивости“. Только в будущем обществе осуществится „стремление к устойчивости—к самому окончательному, по своей природе последнему состоянию“ [19])... Нет надобности умножать примеры. Между миром „совершенным“, божественным миром сверхсознательных ощущений—и миром обыденным, миром непосредственного переживания—существует непроходимая пропасть. На этом сходятся все великие и малые герои эмпириокритической драмы...—когда они забывают о всемирности и вездесущии своего единого бога.

6. „Когда мы создадим... нравственный порядок—никто не станет утверждать, что его не существует в мире, и ни для кого не будет необходимости искать его в мистических высотах и глубинах“ [20]). От соперников Маха, марбургских богоносцев, мы также слышали не мало громких слов против спиритуализма; но мы уже видели, что их свободомыслие находит свое „увенчание“ в чистой идее бога. Беспристрастный ценитель без колебаний признает, что такое же увенчание требуется всей внутренней логикой эмпириокритицизма. В самом деле, раскол между „элементами“—ощущениями и обыденной действительностью столь же резко выступает у Маха, как и противоречие между неразумной животностью и божественным изначалом у Когена. Где же ручательство, что в вековечной борьбе за нравственный порядок победит идеал, великое Петцольдово начало „устойчивости“? Мах говорит: „мы“ создадим нравствен-

[18]) Mach, Erk.[2] p. 463.
[19]) Petzoldt, Einf.[2] p. 72.
[20]) Mach, l. c.

ный порядок. Что такое это „мы“? Выше было отмечено, что человеческие „я“ для Маха только совокупности изначальных ощущений, предшествующих всякому „я“... Итак, весь переворот, в конечном счете, будет создан самими же изначальными ощущениями. Припомним, наконец, уже известные нам свойства многоликого Махова бога, начиная от его всемогущества и кончая его вездесущием; не забудем также, что он существует независимо от преходящего частного опыта... Словом, все говорит за то, что он с успехом может выполнить не только должность божества, вообще,—он без труда заменит *потустороннего* бога старой метафизики, бога-законодателя и управителя... От общих соображений обращаемся к подлинным свидетельствам. Не случайность, конечно, что ученик Маха, признанный учителем, Ганс Корнелиус, открыто провозглашает бытие бога внутри нас и вне нас [21]); не случайность также, что мыслители, которых Мах считает „родственными“, так-называемые имманенты, столь же недвусмысленно отстаивают все устои старой религии—бога, свободу и бессмертие [22]). Все эти богооткровения неизменно сопровождаются торжественными заявлениями, что бог старой метафизики—потусторонняя сверхъестественная сила, отчужденная от бытия и познания; между тем бог новой науки посюсторонен, внутриопытен (имманентен) и неизменно пребывает в самых приятельских отношениях со своими поклонниками... Вожди эмпириокритицизма менее решительны; но не трудно показать, что, по существу, все они отнюдь не враги перечисленных богоносцев. В целях большей наглядности отметим, что один из последних, Шуберт-Зольдерн, договорился даже до спиритизма; и когда ему поставили на вид „потусторонность“ столь своеобразной философии, он мог на это возразить только то, что он признает лишь „возможность“ спиритизма, но оставляет открытым вопрос об его действительности [23]). И в самом деле, возвращаясь к Маху, спросим его и всех единомыслящих: можно ли считать невозможным существование бестелесных духов? Никоим образом:

---

[21]) Cornelius, Einf. p. 357.

[22]) Schuppe, Rehmke, Schubert-Soldern etc. В рус. лит. данные у Ленина, Матер. и эмпириокрит.[2] 209—218.

[23]) Ср полемику Schubert-Soldern'a с Regine Ettinger в Arch. f. G. d. Ph. за 1912 и 1913 год.

*

мы имеем даже прекрасный их образчик хотя бы в лице Маховых элементов, всех этих зеленостей и красностей, существующих независимо от всякого единичного переживания. Бытие любого духа— начиная от единого бога и кончая духами Маха и Авенариуса— становится вполне возможным при одном условии: мы должны их мыслить в строжайшем согласии со всеми требованиями „чистой науки", т.-е. эмпириокритицизма. Это значит: все „духи" должны мыслиться или как ощущения (элементы) или как совокупности ощущений. Такого именно мнения и придерживается общепризнанный ординарец Маха, Ганс Клейнпетер. „К числу особенностей феноменализма (т.-е. учения Авенариуса и Маха) принадлежит то, что по отношению к резко выраженным философским взглядам он являет зрелище возможнейшего воздержания (sic); с ним даже соединимы многие различные взгляды—поскольку таковые понимаются только как догадки, и для чистой науки обеспечивается право ее основного воззрения" [23]). Чрезвычайная торжественность этого профессорского пустословия не должна скрывать его подлинного смысла, нами только что разъясненного: даже такие „резко выраженные" философские взгляды", как спиритуализм и даже спиритизм, вполне„соединимы" с эмпириокритической чистой наукой. У того же Клейнпетера мы встречаем боевой клич: „Метафизика— частное дело"; Петцольдт подчеркивает, что эмпириокритицизм не противоречит ни атеизму ни теизму; наконец, сам Мах объявляет религиозные мнения—частным делом [24])... Общий вывод ясен. Более решительные друзья и союзники Маха открыто признают „действительность божества"; более робкие вожди и ученики не идут так далеко и довольствуются простой „возможностью". И те и другие боятся признать его потусторонность; но и те и другие не решаются порвать с идеей бога. Перед нами те же трусливые колебания, что и у марбургских пророков чистой идеи божества. И нет надобности повторять, что эти колебания только еще резче обнаруживают отмеченную выше истину: для разрешения всех своих противоречий эмпириокритицизму остается только принять одно всеисчерпывающее противоречие—признать бытие потустороннего божества и возвести в этот сан свой знаменитый чистый опыт...

---

[23]) Kleinpeter, Z. Begr. d. Phaen. p. 4

[24]) Kleinpeter, ib. p. 15, etc.

7. Марбургская школа дала нам повод сопоставить философические богоискания и живую научную мысль. Вместо того, чтобы искать в природе бога-повелителя, источника и устроителя „добра“ и порядка, наука сама берет на себя эти творческие задания, преобразуя и пересоздавая познанную действительность. Эмпириокритические колебания в области все того же богоискательства не требуют новых сопоставлений. Мы ссылались на творца одной из важнейших отраслей современного естествознания—Марселена Бертло. Остается только прибавить показание творца современной общественной науки, Карла Маркса. Еще в 1845 году великий экономист писал: „Философы только разно *толковали* мир; речь идет о том, чтобы его *изменить*“ [25]). Идея бога и все прочие создания религиозно-метафизического мышления совершенно бессильны для истолкования мира, а тем более для его изменения. „Религия—это лишь призрачное солнце, которое вращается вокруг человека до тех пор, пока он сам не начинает вращаться вокруг себя самого“ [26]). Это „вращение вокруг себя самого“ осуществляется, прежде всего, в растущей власти человеческого познания над природой,—той непреложной власти, которую дает ему живая человеческая деятельность—труд. Труд есть прежде всего „действие между человеком и природой, действие, в котором человек посредствует, правит и проверяет свой обмен с природой своим собственным творчеством. Рядом с естественным веществом он *сам* выступает как *естественная сила*... С помощью этого движения, *воздействуя на природу вне его* и изменяя ее, он *изменяет и свою собственную природу*“ [27]). В социалистическом обществе он окончательно возьмет в свои руки великое дело борьбы с внешней природой; обобществив все средства и орудия труда, он поставит все свои отношения к миру и к себе самому под единый планомерный контроль научного познания. Человеческая мысль сама освободит себя и окончательно упразднит всякую погребность в сверхчеловеческой опоре—будь то сверхопытный бог старой метафизики или трусливый „внутриопытный“ бог метафизики новой. Религиозное и метафизическое мышление необходимо исчезнут, когда „отношения

[25]) Marx ueber Feuerbach, These 11.

[26]) Marx Zur Kr. d. Hegelsch. Rechtsph.

[27]) Indem er durch diese Bewegung auf die Natur ausser ihm wirkt und sie veraendert, veraendert er zugleich seine eigne Natur, etc. Marx, Kap. I [6] p. 140.

непосредственной обыденной жизни людей будут каждодневно представлять им отчетливо-разумные отношения друг к другу и к природе“ [28]).

ГЛАВА XII.

1. „Традиции кошмаром тяготеют над головами людей“ [1]). Творец этого выразительного положения имел в виду весь тот огромный груз всевозможных предрассудков и предрасположений, который тяжелым бременем тяготеет над *общественным* сознанием необобществленного, досоциалистического человека. Однако, то же положение применимо и к другой, еще более сложной области человеческой мысли—к тому, что, выражаясь высоким слогом, можно было бы назвать *вселенским* сознанием человека. В самом деле. Мы разобрали два довольно заметных течения „философской“ мысли,—достаточно противоположных по своему направлению и содержанию. Однако, оба они обнаружили полное сходство в одном отношении: в основе обоих оказались некоторые, не всегда вполне осознанные предвзятости, некоторые неподвижные, односторонние *предрассуждения*, которые „кошмаром тяготеют“ над всеми *рассуждениями* наших философов. Упорно и слепо утверждая свою самоотрицающую действительность, эти предрассудки на каждом шагу обнаруживали свою полную противоположность действительному живому знанию. Различие между *наукой* и *метафизикой* выступило с полной отчетливостью. Остается только подвести некоторые итоги.

2. „Что есть истина“? Мы разобрали подробно один из наиболее древних ответов на проклятый вопрос. Он принадлежит Платону: истина заключается *только* в разуме, *только* в *чистом* мышлении, свободном от всяких вторжений „чувственной“ данности. И мы убедились достаточно, в полной несостоятельности платоновского ответа. Чувственная данность есть, в последнем счете, необходимая основа всякого *естественно-научного* познания, и уже самая наличность последнего непререкаемо свидетельствует, что история заключается *не только* в чистом мышлении. Противоположный взгляд

[28]) Der religioese Widerschein der wirklichen Welt kann ueberhaupt nur verschwinden, sobald die Verhaeltnisse des praktischen Werkeltagslebens den Menschen tagtaeglich durchsichtig vernuenftige Beziehungen zu einander und zur Natur dastellen, Marx, ib. p. 46.

[1]) Karl Marx, d. 18-te Brumaire, in.

Платона и его запоздалых поклонников представляет собой тот первый предрассудок, который так долго служил питательной почвой для религии и религиозной метафизики. Его сущность заключается в провозглашении единодержавия „чистой логики“; мы и назовем его предрассудком *логизма*. Современная научная действительность дает только один внешний *повод* для возобновления платоновского домысла: это—пышный расцвет математики, науки чистого мышления. Но мы уже не раз убедились, что повод только остается поводом и не имеет за собою никаких внутренних оснований: весь смысл математики заключается в том, что она является наукой о многообразиях чистого мышления; она не может, да и не хочет заниматься вопросом, существует ли „истина“ вне ее [2]). Предрассудок *логизма* совершенно чужд самой „логической“ науке—чистой математике.

3. Второе решение того же вековечного вопроса об истине гласило: истина *только* в опыте, только в *чистом ощущении*. Таков конечный смысл всех поползновений старого и нового берклеанства. Мы отметили, что сколько-нибудь последовательное проведение подобного взгляда совершенно отбрасывает одну из двух важнейших ветвей древа познания—чистую математику. Все новейшее развитие „божественной науки“ Гаусса каждой своей подробностью красноречиво говорит, что она может и должна быть наукой о своеобразных закономерностях чистого мышления, совершенно независимых от чувственной данности [3]). Противоположное учение Беркли и его боязливых эмпириопотомков не может привести в свое оправдание даже какого-либо внешнего повода. Современные берклеанцы хотят быть философами естествознания, науки о чувственном мире. Но все развитие последней есть непрерывный рост *самодеятельности* человеческого разума; она одинаково заявляет о себе и творческим вмешательством в жизнь природы, и все более тесным союзом с такой творческой наукой, как чистая математика... [4]). Математика, как таковая, не отрицает „чувственного“ естествознания, но она и не утверждает его: ограничиваясь областью чистой мысли, она лишь косвенно связана со своим собратом. Напротив, важнейшие отрасли естествознания насквозь проникнуты математикой. Утверждая самое

---

[2]) Выше, гл. 4; гл. 6.
[3]) Выше, гл. 5.
[4]) Выше, гл. 7.

себя как науку о мире чувственном, современное естествознание тем самым утверждает и бытие математики, науки чистого мышления, независимого от всякой „данности". Предрассудок *психологизма* в корне противоречит не только чистой математике, но и столь „чувственной" науке как естествознание.

4. Математика есть наука чистого мышления; „свободные создания человеческого духа" вполне исчерпывают ее предмет. Естествознание есть наука о чувственной данности. И чистые понятия и чувственные данные существуют, прежде всего, в *мышлении*. Однако вправе ли мы утверждать, что бытием в пределах *мысли* исчерпывается весь предмет положительного знания? Большая часть предыдущего исследования была посвящена оценке двух противоположных течений современной философии, которые пытаются защищать положительное решение поставленного вопроса: нет и не может ни существовать ни мыслиться никакая действительность, кроме действительности самого мышления. Мы попытались доказать подробно, что это положение находится в самом вопиющем противоречии с простейшими требованиями действительного познания. Ближайший предмет естествознания — так-называемые *закономерности* непосредственно воспринимаемого чувственного мира. Однако, большинство таких закономерностей совершенно невозможны без допущения, что они находятся в определенной связи с некоторой действительностью, *независимой* и от них и от всякого мышления вообще. Бытие мира, независимого от чувственной данности, требуется самой же чувственной данностью. Оно подтверждается ею на каждом шагу—как это было выяснено на целом ряде естественно-научных отраслей, начиная от физической химии и кончая биологией [5]). Скептическое сомнение в бытии мира, независимого от мысли, оказалось худо прикрытым отрицанием основных достижений живой естественно-научной мысли... Таким образом, к перечисленным предрассудкам присоединяется еще один, предрассудок *агностицизма*, гласящий: часть бытия навсегда скрыта от познания [6]). Он является последней модой так-называемой новой философии—и любит скрываться под знамя борьбы с метафизикой. Но никакие усилия его поклонников не в состоянии скрыть его подлинной природы.

---

[5]) Выше, гл. 8 и 9.

[6]) Гл. 8, § 7; гл. 9, § 7.

5. Несмотря на все усилия агностицизма, многообразный мир действительности, независимый от всякой мысли, постоянно и совершенно недвусмысленно заявляет о своем бытии. Отрицатели оказываются вынуждены на каждом шагу отрицать самих себя. Нам не однажды приходилось отмечать, что подобная непоследовательность особенно резко выступает именно у наиболее рьяных вещателей агностической мудрости. Однако, даже отказавшись от своего первоначального отрицания, агностическое мироощущение не отказывается от проторенного пути. Мир мысли и мир независимой действительности провозглашаются двумя различными враждебными друг другу началами; их взаимоотношение оказывается *по ту сторону* обычного научного познания; их соглашение кажется недостижимым для обычной человеческой деятельности. И то и другое одинаково требуют вмешательства особой силы, одинаково превосходящей и обычное познание и обычное бытие. Увенчанием „законченного мировоззрения" объявляется идея *бога*... Мы отметили выше, что эта идея глубоко враждебна всему существу положительного знания. Наука отвергает существование „смысла" и „цели" во внешней природе; всякая *телеология* в этом смысле есть чистейший *антропоморфизм*, очеловечение природы. Цель и смысл присущи человеческому разуму— и только ему... Однако, для науки не существует предустановленного раскола между мышлением и бытием, идеалом и действительностью. Выступая во всеоружии опытного познания, наука постоянно и неизменно расширяет власть разума над природой. Не ограничиваясь простым бездеятельным наблюдением, наука путем творческого испытания созидает *искусственную* действительность и выступает соперником неподатливой *естественной* действительности или даже ее господином. Своими мощными достижениями она преобразует и отношение *человека к природе* и отношение *человека к человеку*, превращая раздор в согласие, бессмыслицу в разум [7])... Идея *бога* есть отрицание самодостаточности живой научной мысли, ее порабощение под ярмо тяготеющего над ней внешнего начала—безразлично будет ли оно потусторонней сущностью или ее бледным призраком—„чистым понятием". Подменяя внутреннюю мощь самодовлеющего научного познания внешним могуществом воображаемой сверхнаучной силы, идея бога равносильна отрицанию всех прошедших приобретений

[7]) Выше, гл. 10 и 11.

науки, всей ее нынешней победной действительности, всех неограниченных возможностей ее будущего. Вера в сверхнаучное познание—этот кошмарный предрассудок *мистицизма*—является последней и решающей гранью, отделяющей науку от метафизики.

6. Бросим еще раз общий взгляд на только что отмеченные четыре основные предрассудка метафизики. Что представляет собою первая их пара—предрассудки логизма и психологизма? Первый отвергает права опытной науки и провозглашает единодержавие *умозрительного* знания; второй урезывает права умозрения и провозглашает единодержавие чистого *опыта*. Но оба они имеют один и тот же смысл; они ущербляют и увечат *внутреннюю* природу познания, взятого в его *целом*... Обращаемся ко второй паре—к предрассудкам агностицизма и мистицизма. Первый колеблет бытие действительности, независимой от познания—и тем самым отказывается от всякого ее познания; второй признает ее бытие, но мыслит ее не иначе как рядом с некоторой „божественной" силой, которая тяготеет одинаково над бытием и познанием, и в последнем счете непознаваема. Словом, и вторая пара предрассудков имеет общий смысл: они урезывают или уничтожают *внешнее* могущество науки, суживая или извращая ее творческое отношение к познаваемой действительности.

7. Четыре основных метафизических предрассудка, нами только что отмеченных, относятся к тем своеобразным явлениям в жизни познания, которые принято именовать заблуждениями. Однако „заблуждения" хорошо знакомы не только метафизике: нет надобности доказывать, что они представляют одно из самых обычных явлений в жизни науки. По справедливому замечанию одного из самых разносторонних мыслителей прошлого века, Фридриха Энгельса, „верховенство мышления осуществляется в ряде отнюдь не верховно мыслящих людей; познание, обладающее безусловным притязанием на истину—только в ряде относительных заблуждений; ни то ни другое не может быть целиком осуществлено иначе как в бесконечной жизни человечества" [8]). Заканчивая свой замечательный доклад о развитии методов теоретической физики, ее крупнейший современный основоположник Людвиг Больцман справедливо подчеркивает, что

[8]) Engels, Anti-Duehr. [5] 80: die Erkenntniss, welche unbedingten Anspruch auf Wahrheit hat, (verwirklicht sich) in einer Reihe von relativen Irrthuemern, etc.

наука не притязает на обладание окончательной истиной. „Возникнет ли вообще когда-либо убеждение, что известные образы не могут быть вытеснены другими, более простыми и всеобъемлющими, что они „истинны“? Или, быть может, мы составляем лучшее представление о будущем, когда мы представляем себе то, о чем мы вообще не имеем никакого представления? Действительно, любопытные вопросы. Почти сожалеешь, что приходится умирать задолго до их решения. О, нескромный смертный! Твой жребий есть радость при виде бушующей битвы [9])“! Но если научная истина осуществляется часто лишь в ряде относительных заблуждений—чем отличаются предрассудки метафизики от недочетов самой науки? Если мы с трудом представляем себе научную истину будущего—где грань, отделяющая научные заблуждения настоящего от основных заблуждений метафизики? Все недоумения подобного рода, на первый взгляд вполне законные, уже, в сущности, разрешены предыдущими итогами. В чем заключается сущность метафизических заблуждений? Как было указано, они ущербляют и увечат *внутреннюю* природу познания, взятого в его *целом;* или же они подрывают *внешнее* могущество познания, суживая или извращая его деятельное отношение к познаваемой действительности. И в том и в другом случае метафизическое заблуждение имеет своим предметом не только отдельные частные области положительного знания: оно выступает противоборцом всей научной мысли, как таковой. Метафизическое заблуждение не ограничивается *частными* обнаружениями жизни познания: оно посягает на все положительное знание в его *целом*—на всю его внутреннюю природу и действенность... Совершенно другой оттенок носят те промахи познающей мысли, которые неразрывно связаны с живою жизнью положительного знания. Ложные мнения в науке могут быть подчас очень устойчивы и трудно искоренимы; они становятся иногда значительной помехой для ее дальнейшего развития. Не будем ссылаться на то, что при всей конечной их несостоятельности они не перестают быть теми относительными приближениями к истине, о которых говорит основоположник исторического материализма. Достаточно отметить

[9]) Boltzmann, Entw. d. Meth. d. theor. Phys., pop. Schr. p. 297: ... oder machen wir uns velleicht die beste Vorstellung von der Zukunft, wenn wir uns das vorstellen, wovon wir gar keine Vorstellung haben...

обстоятельство, косвенно подчеркнутое и в приведенных заявлениях Энгельса и Больцмана: заблуждения науки, поскольку они остаются в ее пределах, — всегда имеют своим предметом какую-либо *частную* область положительного знания, хотя бы и очень существенную. Но они никогда не затрагивают самых *основ* научного познания, его внутренней природы и предметной значимости. Именно поэтому заблуждения науки могут быть деятельными возбудителями ее дальнейшего развития. Не такова историческая роль заблуждения метафизики: они всегда были и остаются „кошмаром, тяготеющим над головами людей", задерживающей силой на победном пути научного мышления.

8. Слову „метафизика" очень повезло в современной „философской" литературе. Каждая маленькая секта, занимающаяся творением шума и звона поодаль от живой научной мысли, придает свой особый смысл ходячему словечку; оно употребляется нередко просто для обозначения всех инакомыслящих, всех соперников на философической ярмарке. Эмпириокритики именуют метафизиками кантианцев, кантианцы — эмпириокритиков; мистики всех толков применяют ту же кличку и к тем и к другим, и пользуются полной взаимностью... Более определенен тот смысл, который придают этому слову представители положительной науки. Однако, многие из них ограничиваются таким определением: метафизика есть учение о вещах в себе, о потусторонних сущностях [10]). Во-первых, это определение двусмысленно. Как мы уже указывали, все агностики разных толков (от марбуржцев до эмпириокритиков) считают „потусторонней" всякую действительность, независимую от мысли; между тем, мы уже достаточно убедились, что вся современная наука покоится на допущении мира, существующего независимо от того, мыслится ли он или нет. Поэтому приведенное определение может дать агностикам повод истолковать его в свою пользу—вопреки действительным требованиям науки. Но если даже устранить эту двусмысленность— определение остается слишком узким. Тогда оно будет гласить: метафизика есть мнимая наука о вещах сверхразумных, недоступных обычному познанию, каковы: бог, бессмертная душа, безусловная свобода и прочие плоды сверхнаучного (или, точнее, донаучного) воображения. Это определение применимо только к одному виду

[10]) Cf. ex. gr. Haeckel, passim; Вагнер, Ср. психол. I, p. 9 etc.

сверхнаучных предрассудков—к мистицизму; к другим видам оно относится только *косвенно* — поскольку они *в последнем счете* неизбежно переходят к мистическим бредням — как это мы показали на примере агностицизма. Но и независимо от этого, подобного рода определения оставляют в тени существеннейшую сторону вопроса. Речь идет не только о различии *предметов* метафизики и науки: еще важнее различие их *методов*. Предыдущие соображения достаточно установили это различие. Соединяя воедино все установленные данные, мы получаем следующее определение: метафизика есть ложная наука, которая уже своими основными предпосылками урезывает познавательную природу и предметные требования положительного знания, взятого *в его целом*... Или еще короче: метафизика есть мнимая наука, прямо или косвенно отрицающая положительную науку, взятую в ее познавательном *целом*... Это определение достаточно широко, чтобы охватить все четыре основных предрассудка противонаучного мышления, подытоженные в настоящей главе; оно достаточно ясно, чтобы предусмотреть установленное выше существенное различие между двумя видами заблуждений — заблуждениями научного мышления и мышления вненаучного... Наконец, наше определение резко подчеркивает то всеобщее значение науки, которое нашло себе столь яркое выражение в гордых словах Бертло: Наука властвует надо всем [11]).

ГЛАВА XIII.

Мы попытались установить пограничную линию между наукой и метафизикой. Говоря о науке, мы постоянно имели в виду все положительное знание *в его целом*. Однако, что представляет собой современная научная действительность? Перед нами, прежде всего, две огромных области, резко отграниченных друг от друга—математика и естествознание; в пределах последнего понемногу намечается и выделяется особая самостоятельная область—науки общественные. Каждая область распадается в свою очередь на множество отдельных частных наук; всем известно многообразие их предметов, заданий и достижений. „Кто в состоянии их исчерпать или хоть только наметить? Кто сможет просто охватить мыслью весь их

[11]) La science domine tout, Berthelot, Sc. et Mor. p. 12 pref. Ср. выше, гл.

необъятный простор [1])"? А если это так—существует ли общенаучное сознание? Можно ли говорить о положительной науке как об едином всеобъемлющем целом? Существует ли *философия науки?* Предыдущее исследование уже дало искомый ответ: да, существует. Мы познакомились—хотя бы и в самых беглых чертах—с внутренней природой и предметными требованиями положительного знания; мы выяснили грани, отделяющие научное мышление от мышления противонаучного; все это мы сделали, пользуясь точными указаниями самих же представителей живой научной мысли. Философия науки—не пустое слово; ее внушительный голос не боится противопоставить себя разноголосой сутолоке „философов" от метафизики. Посмотрим еще раз, чем отделяются друг от друга обе философии.

2. Первый из установленных нами предрассудков метафизики сводится к положению: чистое мышление единственный источник познания. На третьем месте мы поставили предрассудок, утверждающий, что часть бытия не доступна познанию. Положим теперь, что оба предрассудка соединяются. Тогда мы получаем положение: все бытие и познание заключено в границах чистого мышления. Положение, хорошо нам знакомое: оно составляет сущность всей премудрости т.-н. марбургской школы [2]). Таким образом, из сочетания двух предрассудков—*логизма* и *агностицизма*—создается одно из тех своеобразных „философских" течений, которые известны под именем *трансцендентального* (т.-е. в последнем счете сверхопытного) *идеализма.* Марбургская школа, с ее безусловным (абсолютным) логизмом представляет собою только самое крайнее и последовательное его выражение. Нет надобности доказывать лишний раз, что все эти метафизические потуги не имеют ничего общего с живой научной мыслью: мы уже не раз отмечали, что действительная чистая мысль—математика—не занимается никакими вопросами о бытии и ограничивается исследованием многообразий самого мышления [3]). Мы возвращаемся еще раз к этим вопросам только для того, чтобы отметить основное различие, которое резко отделяет здесь мнимую философию от истинной, философию метафизики от философии науки. Провозглашая единодержавие чистого мышления, трансцендентальный идеализм

[1]) Тимирязев, К. Насущн. задачи совр. ест., пред. ко 2 изд., нач.
[2]) Ср. гл. 2.
[3]) Ср. гл. 4.

необходимо приходит к допущению особого вида познания, совершенно неведомого положительной науке; таково, например, изначальное мышление марбуржцев. Рядом с наукой оказывается некоторая сверхнаучная область познания, которая предусловливает ее бытие [4])... Не так поступает истинная научная философия—в данном случае философия математики. Оставаясь в строгих границах живого научного мышления, она ограничивается установкой того, что показует сама его внутренняя природа. Вопреки всем притязаниям сверхнаучной метафизики, математика оказывается не безусловно-однозначной наукой о бытии, а условно-многозначной наукой о многообразиях самой мысли [5])...

3. Второй из установленных нами предрассудков метафизики есть простое отрицание первого. Он гласит: единственный источник познания—чистый опыт. Этот ходячий предрассудок *психологизма* также охотно соединяется с предрассудком *агностицизма*. Мы получаем тогда следующее положение: все бытие и познание заключено в границах только чистого опыта. Так гласит основоположение подробно разобранного нами эмпириокритического учения, которое и может служить образцом т.-н. *феноменализма* [6]). Его несогласие с живой научной мыслью было уже не раз указано: даже самое простое „описание“ явлений *всегда* содержит в себе известные чисто мыслительные закономерности и *всегда* выходит за пределы чистого опыта [7]). Но сейчас нам нет надобности припоминать подробности: достаточно отметить основное различие между этой мнимой философией и философией действительной науки. Чтобы втиснуть в свой чистый опыт все многообразие естественно-научных понятий, феноменализм вынужден придумать особый вид опытного познания, совершенно неведомый положительной науке: таковы, например, сверхсознательные „изначальные“ ощущения эмпириокритиков. И здесь рядом с наукой оказывается некоторая мнимо-высшая область познания, тяготеющая над ее бытием [8])... Иначе ставится вопрос в истинной научной философии, в данном случае—философии есте-

---

[4]) Ср. гл. 10, §§ 3—6.
[5]) Ср. гл. 4.
[6]) Ср. гл. 3.
[7]) Ср. гл. 7, §§ 4—6; гл. 9 §§ 3—4.
[8]) Ср. гл. 11, §§ 3—6.

ствознания. Не отделяясь от живой жизни действительного опыта, естественно-научная теория познания ограничивается раскрытием его подлинных свойств. Вопреки всем притязаниям якобы чистой теории познания, естествознание оказывается мыслительным зданием, которое по мере своего воздвижения все больше освобождается от „чистого ощущения" и все более приближается к чуждым всякой наглядности построениям чистой мысли [9]).

4. В ряду метафизических предрассудков последнее и самое почетное место мы отвели *мистицизму*, в широком смысле этого слова. Мы разумеем под ним всякое учение, которое, в противоположность крайнему агностицизму, приемлет бытие внешней действительности, но ставит ее в зависимость от скрытой силы, недоступной обычному научному познанию [10]). Предрассудок мистицизма склонен соединяться, прежде всего, с предрассудком *логизма*: чистое мышление, в безусловно-однозначном, нематематическом смысле слова, является очень удобным пособием для всевозможных богостроительских предприятий. Мы получаем тогда одну из разновидностей *трансцендентного* идеализма, который, в отличие от идеализма трансцендентального, утверждает не только сверхопытное, но и вообще сверхпознавательное „потустороннее" бытие. Таковы „философские" системы Платона, Августина, Гегеля и других признанных и ожидающих признания отцов церкви [11]). Нет надобности добавлять, что их „чистая" философия не имеет ничего общего с философией науки. Основоположение трансцендентного идеализма гласит: есть два предмета познания: бытие преходящее и вечное (вещество и дух—бог); вечное постигается только *сверхчувственным* и *сверхрассудочным* разумом. „Сверхмирность" платоно-гегелевского божества уже сама по себе достаточна, чтобы поставить их „философию" над положительным знанием, как некоторую довлеющую над ним „божественную" науку. О том, как относится философия науки к этим сверхмирным прозрениям, мы уже говорили: достаточно припомнить гордые заявления таких людей науки, как Марселен Бертло и Карл Маркс [12]). Истинная

---

[9]) Ср. гл. 7.
[10]) Ср. гл. 10 и 11, § 3.
[11]) Ср. гл. 10, §§ 4—6.
[12]) Ср. гл. 10 и 11, § 7.

философия положительного знания доказала безбожность мира и сверхбожественную силу науки, отрицающей бога.

5. Гораздо реже соединяется предрассудок *мистицизма* с предрассудком *психологизма*. Даже самый „очищенный" опыт все-таки сохраняет в себе слишком ощутимый отпечаток чувственности, чтобы служить для столь возвышенных и неясных предметов. Тем не менее, как нам уже приходилось указывать, такое соединение возможно и дает в итоге особое философическое учение, известное под именем мистического эмпиризма (или *интуитивизма*) [1]). Его основоположение гласит: есть два предмета познания: бытие преходящее и вечное (бог); последний постигается только особым „непосредственным" *чувственным* созерцанием. Само собой разумеется, философия этого божества, несмотря на его приятную близость к человеку, совершенно неведома положительной науке— а значит и научной философии. Непосредственное переживание божества—в чистом „трансцендентном" мышлении или в „чистом опыте"— является предметом разве лишь одной отрасли положительного знания—психопатологии, науки о душевных болезнях.

6. Бросим теперь еще раз общий взгляд на только что отмеченных четыре основных течения метафизики. Что представляют собою первые два—*трансцендентальный* идеализм и *феноменализм*? Первый упраздняет права научной философии во имя неведомого науке изначального чистого мышления; второй делает то же во имя изначального чистого опыта, столь же чуждого живой научной мысли; и тот и другой одинаково стремятся подчинить научную философию *сверхнаучной* метафизике. Обращаемся ко второй паре—к *трансцендентному идеализму* и *интуитивизму*. Первый упраздняет верховные права научной философии в пользу потусторонного божества, постигаемого мнимой чистой мыслью; второй делает то же во имя своего сверхъестественного „опытного" бога. Согласие поистине трогательное для столь непримиримых врагов...

7. Четыре основных метафизических построения, с которыми мы познакомились, получают иногда весьма своеобразную оценку. Созерцая многовековые усилия религиозно-метафизической мысли, вечно возвращающиеся к прежним туникам, даже трезвые исследователи не удерживаются подчас от соблазна—рассматривать их

[13]) Ср. гл. 11, §§ 4—6.

как своего рода „величественные“ попытки человеческого разума воспарить на Икаровых крылах мечты за узкие пределы положительного знания и т. д. Метафизика изображается как вечно-неосуществимое стремление человеческого разума к всемирному утверждению своего могущества, к всеобъемлющему единству. Из предыдущего ясно, что все эти ходячие пошлости—совершенный вздор, достойный, впрочем, своего предмета. Далекая от того, чтобы быть служительницей „разума“, метафизика, напротив, всегда стремится поставить его под ярмо некоторого совершенно чуждого ему начала. Предоставим слово беспристрастному русскому ученому, известному логику, чуждому всякой философической партийности. Вот что пишет Каринский, подводя итоги „последнему периоду германской философии“: „Вслед за некоторыми голосами на Западе многие и у нас философское движение с Канта (преимущественно канто-фихте-шеллинго-гегелевское направление) признавали за последовательное и крайнее развитие рационализма. Я не могу согласиться с таким взглядом. То, что лежит в основании этого периода—„Критика чистого разума“—дает в своем результате не возвышение, а приниженне мысли под ярмо роковых и непонятных законов. И та система, которую считают апофеозой рационализма (гегелевская), на степень верховного разума возвела систему отвлеченных понятий, которые должны были господствовать сколько над бытием, столько же и над самодействительною, живою мыслью; этой мысли отказано даже было требовать... основания их притязаний; все свое оправдание система высших понятий находила в особом (диалектическом) методе, который был прямым противоречием требованиям действительной мысли... Основную ошибку всего этого периода нужно искать вовсе не в чрезмерном возвышении, а прямо наоборот—в *излишнем приниженин действительной живой мысли*“ [14]). Эта превосходная оценка вполне применима и к разобранным выше „философским“ течениям—да и вообще ко всякому метафизическому мышлению: в своем стремлении к „единству“ оно отнюдь не утверждает, а, напротив, всячески попирает все права действительной живой мысли. И недаром все эти марбургские и эмпириокритические „единотворения“ (Vereinheitlichungen) в последнем счете оказываются обителью самого неприкрытого

[14]) Каринский, М. Крит. обзор посл. пер. герм. фил., стр. 327 и сл.

мистицизма [13])... Но об этом не стоит терять лишних слов. Обращаемся к подлинной философии науки. Как решает она пресловутый вопрос об единстве? Высмеивая остатки метафизических предрассудков у Евгения Дюринга, Фридрих Энгельс остроумно замечает, что познающее мышление, не стреляя в пустую, может объединить только такие данные сознания, в которых—или в их действительных прообразах—оно существовало заранее. „Если я подведу сапожную щетку под единство млекопитающего, у нее от этого еще долго не вырастут молочные железы“ [16]). В чем же состоит истинное единство мира? „Единство мира состоит не в его бытии, хотя его бытие есть предпосылка его единства—ибо он сначала должен *быть*, прежде чем он может быть *един*. Вопрос о бытии вообще остается открытым там, где прекращается наш кругозор. Истинное единство мира состоит в его вещественности (материальности), а последняя доказана не парой акробатских словечек, а долгим и трудным развитием философии и естествознания“ [17]). Наука в ее целом не знает безусловных истин. Мы уже слышали однажды от Энгельса, что познание, обладающее безусловным притязанием на истину, осуществляется „только в ряде относительных заблуждений“ [18]). И кто захотел бы убедиться в истинности этих слов, тому достаточно было бы прочесть хотя бы книгу Вильяма Рамзэя „об элементах и электронах“. Подводя итоги изумительным достижениям физической химии, обещающим перевернуть все наши представления об „единстве“ природы, Рамзэй заканчивает: „На каждой ступени этих исследований выставлялись учения о конечной природе вещества; каждое из них заменялось потом другими, несколько измененными сравнительно с предыдущими—чтобы дать более ясное и точное представление о природе окружающих нас вещей. Едва ли мы когда-либо достигнем здесь конца; однако, ум человеческий поистине одержим стремлением Фауста: „Я знаю много—все хотел бы знать я“! Правда, мы знаем, что

[15]) Выше, гл. 10, 11.

[16]) Kann das Denken, ohne Boecke zu schiesen, nur diejenigen Bewusstseinselemente zu einer Einheit zusammenfassen, in denen oder in deren realen Urbildern diese Einheit schon vorher bestanden etc. Engels, Anti-Duehr. 5. p. 29 sq.

[17]) Die wirkliche Einheit der Welt besteht in ihrer Materialitaet etc. ib. p. 31.

[18]) Ср. гл. 12, прим. 8.

нашему знанию никогда не суждено достигнуть конца. Но мы знаем также, что, по мере того, как годы катятся, изогнутая линия знания все более и более приближается к своей вечной асимптоте“ [19]). Что остается делать метафизике перед лицом этой несокрушимой мощи подлинного, живого разума? Разве только одно—подтасовать научное понятие материализма, объявить материю „мертвой отвлеченностью“, превратить многообразие вещей в бледный призрак и поставить над царством трупов—его обычного, столь же бескровного и бесплотного властителя—бога!

8. Выражению „научная философия“ почти так же посчастливилось, как и словечку „метафизика“. Правда, оно получило совершенно другой смысл. „Метафизика“ употребляется большей частью в пренебрежительном смысле и служит для обозначения инакомыслящих; напротив, выражение „научная философия“ получает похвальный оттенок, и каждая философская секта с удовольствием наделяет им... самое себя. Но при ближайшей поверке оказывается, что под этим ответственным выражением разумеется большею частью какое-нибудь „дополнение“, „восполнение“ или „истолкование“ науки—словом сверхнаучная „философия“ [20]). И как обычное правило, предметом такого „дополнения“ становится не все положительное знание в его целом, а какая-нибудь произвольно выбранная его часть... После предыдущей оценки мы без труда обнаружим всю тщету этих метафизических потуг. Истинная философия должна быть не только „научной“—она должна быть *внутринаучной*. Вот ее предпосылки: „...Стремление к единству (монизму) — но в то же время точное сознание своеобразий исследования. Стремление слить науку и философию—и в то же время постоянное размышление о широте и значении этих видов мысли“. Философия науки есть сама же наука, живая и развивающаяся „предметная“ наука, взятая в ее *целом*, в ее всеобщем „отвлеченном“ значении: „Надо мыслить *предметным* образом—и, однако, уметь размышлять *отвлеченным* образом о данностях и всеобщих условиях возможной мыслимости. Философия существует и не существует. Кто еще не дошел до этого, для того философия как бы *вне* науки. А для того,

---

[19]) Ramsay, Elem. and Elektr. sub fin.

[20]). Cf. ex. gr. Wundt, Aloys Mueller etc.

кто дошел до этого—она есть *наука, дошедшая до своего совершенства*“ [21]). Так говорит один из самых глубоких мыслителей XIX века, вождь итальянских марксистов, Антоньо Лабриола. „Сверхнаучная“ философия, под предлогом „дополнений“ протаскивающая залежавшийся метафизический хлам, существует только для тех, кто еще не дошел до подлинной философии—философии *внутринаучной*. С презрением отвергая все потуги метафизики, наука решительно заявляет устами Тимирязева, что она „не пойдет в Каноссу. Она не признает над собой главенства какой-то сверхнаучной, вненаучной, а попросту ненаучной философии. Она не превратится в служанку этой философии,—как та, когда мирилась с прозвищем служанки богословия (ancilla theologiae). Наука не знает реставрации: она знает только инставрацию (instauratio magna), отправляясь от которой, она победоносно идет вперед вот уже который век *Наука сама себе философия* — та философия, которую в Англии XVII века называли просто новой, возводя ее начало к Галилею и Бекону... Только те области знания, которые постепенно проникались складом мышления, присущим философии науки, и получали право считать себя наукой... В первый раз за все свое существование человеческая мысль выступила на верный путь, и, переходя от простейших задач к более и более сложным, человек мог сказать своему уму: верный слуга, в малом был ты мне верен—над многим тебя поставлю“ [22])... Гордая и пренебрежительная, но вполне заслуженная отповедь! Может ли притязать на звание научной философии та болезнь духа, которую Больцман столь остроумно сравнил с мигренью, с позывами извлекать из желудка нечто, когда в нем уже нет ничего [23])! Больной не может лечить здорового. Правда, и здоровый организм доступен подчас болезням. Нетрудно было бы показать, что именно огромные достижения нашего времени—своим качественным разнообразием, а часто и просто количественным обилием — вызывали некоторую задержку в обмене веществ великого и мощного организма науки. Не трудно показать, что религия и метафизика охотно пользовались такими преходящими

---

[21]) Labriola, Soc. et Phil. p. 107: la science arrivée à sa perfection.
[22]) Тимирязев, l. c.
[23]) Ср. гл. 1, прим. 15.

состояниями, чтобы подсунуть временно растерявшемуся Геркулесу свои жалкие старые снадобья. Однако болезнь быстро проходила: это был неизбежный спутник развивающегося организма—болезнь роста. И для ее лечения не было надобности в посторонней помощи. По непритязательному, но чрезвычайно тонкому замечанию Ренана, наука есть целое, все части коего проверяют друг друга [24]). Для преодоления болезни этого оказывалось достаточным.

ГЛАВА XIV.

1. Отвечая на приветствие французской академии наук, престарелый английский ученый сказал: „Истина будет наукой—или не будет вовсе“ [1]). Наше сопоставление и метафизики с наукой достаточно показало, что гордые слова Сольвея—не пустые слова. Правда, до сих пор мы оставались в границах нашего основного предмета: средоточием нашей оценки было сопоставление метафизики с философией науки; истинная научная мысль привлекалась не столько для построения ее связного и всеобъемлющего целого, сколько для ее отмежевания от науки ложной. Однако, Спиноза совершенно прав, когда он говорит, что „истина есть мерило и самой себя и лжи“ [2]). Истина одинаково хорошо обнаруживает себя всеми способами: мы встретимся с нею на всех путях—прямых или даже окольных. Для нее безразлично, как мы приближаемся к ней—непосредственно поднимаясь по ступеням ее храма, или пройдя предварительно через темный лабиринт ее наследственного врага—метафизики. Поэтому не трудно убедиться, что для связного изложения основных предпосылок научного познания нам нет надобности начинать новое исследование: достаточно подвести итоги предыдущему, внеся в него только некоторые дополнения. Первое из таких основоположений достаточно наметилось уже в начальных главах:

Познавать значит, прежде всего, *мыслить*. В составе нашего мышления мы находим двоякого рода своеобразия. Во-первых, это чувственные образы, которые именуются *наглядными представле-*

[24]) La parole de Renan à Berthelot, cf. Berthelot, Sc. et Mor. p. 52 La science est un ensemble, dont toutes les parties se contrôlent.

[1]) La vérité sera la science ou ne sera plus.

[2]) Veritas norma est sui et falsi, Spinozae Eth. passim.

ниями, и их простейшие составные части, *ощущения* [3]). Ко второму роду относятся понятия и их связи. Под *понятиями* мы разумеем содержание мысли, которые отличаются от представлений своей устойчивостью и внутренней связанностью [4]). Мысль о связи двух понятий составляет *суждение*; связь суждений, при которых из одного или нескольких данных суждений необходимо вытекает некоторое новое, именуется *умозаключением*. Ощущения и связанные с ними наглядные представления составляют *чувственную* (по преимуществу недеятельную) сторону познания, понятия и их связи относятся к его *умственной* („деятельной“) стороне [5]).

2. Всякое знание состоит из определенных связей между понятиями, т.-е. суждений. Наши суждения могут рассматриваться двояко: с точки зрения их происхождения (*психологический* подход) или с точки зрения их познавательной ценности (*логический* подход) [6]).

3. Поскольку наши суждения притязают на *логическое*, т.-е. общеобязательное значение,—составляющие их понятия должны связываться по определенным *внутренним законам*. Соответственно двойственной природе мышления, эти закономерные суждения могут быть двоякого рода. Во-первых, они могут выражать свободные допущения нашей умственной самодеятельности, которые для своего оправдания *не требуют* посредничества *чувственной данности* (ощущений и представлений) [7]). Во-вторых, они могут содержать такие связи между понятиями, которые оправдываются, прямо или косвенно, при посредничестве *чувственной* данности [8]). Первого рода связи именуются *чистыми* или *формальными;* связи второго рода—*предметными* (реальными) или *опытными*. Отсюда и два вида мышления—чистое (формальное) и опытное (реальное).

4. Для *чистого* мышления безразлично, откуда оно заимствует данные для своих построений. Каково бы ни было происхождение построяемых им *понятий*—чувственное или нечувственное—*связи*, которые устанавливаются между ними, являются свободным допущением мысли. Поэтому, при установке и доказательстве таких свя-

---

[3]) Сравни гл. 5; гл. 6—7; гл. 8—9.
[4]) Сравни гл. 5 §§ 2 слл.; гл. 7.
[5]) Гл. 5 § 3; гл. 7 §§ 4—6 (Больцман, Планк).
[6]) Гл. 6 § 4; гл. 7 § 4 (Грассман).
[7]) Гл. 4 §§ 4—5; гл. 5 §§ 4—5 (Грассман).
[8]) Гл. 5 §§ 4—5; гл. 6 §§ 4—5 (Грассман, Стедл).

зей, чистому мышлению никогда не приходится выходить за свои пределы [9]).

5. Не такова природа *опытного* мышления. Всякое опытное суждение, поскольку оно *опытное*, должно опираться, прямо или косвенно на *чувственную* данность, и, значит, оно выходит за пределы „чистых" законов мышления. С другой стороны, всякое опытное суждение, поскольку оно *суждение*, есть обнаружение *умственной* деятельности и подчиняется ее своеобразным законам. Другими словами, всякое *опытное* суждение не есть ни простое создание чистой мысли, ни простое „описание" чувственной данности, оно есть некоторая догадка или предположение, которую наша мысль строит, опираясь на чувственные данные (*гипотеза* в широком смысле) [10]).

6. Строя свои предположительные суждения, опытное мышление ставит своей целью, прежде всего, установить некоторые *закономерности* и постоянства в преходящем потоке чувственных данных. Однако, большинство таких закономерностей совершенно необъяснимо без предположения, что существует „*внешний*" мир, который *не зависит* от познающей мысли и *скрыт* от прямого чувственного постижения, но тем не менее находятся в определенной *причинной* связи с последним. И самое бытие внешнего, независимого от мысли, и его подчинение всеобщему закону причинности—все это, конечно, „предположение" (гипотеза научного *реализма*); но оно требуется и подтверждается всем нашим опытным познанием в его целом. Все остальные наши опытные суждения также не лишены „предположительности"; если предположение внешнего мира чем-либо и отличается от них, то разве лишь своим всеобъемлющим значением [11]).

7. В связи с двоякой природой суждений стоит и верховное деление наук. Необходимо различать науки *чистые* (формальные) и науки *опытные* (реальные). Установка и оправдание суждений в чистых науках нигде не выходят за пределы самого мышления; напротив, в науках опытных они всегда требуют прямого или косвенного посредничества чувственной данности. Истина чистых наук заключается в *согласии действий мышлений друг с другом;* истина

---

[9]) Гл. 4 §§ 4—5; гл. 5 §§ 4—5 (Грассман, Кутюра).

[10]) Гл. 5 § 3; гл. 6 §§ 4—6; гл. 7 §§ 4—6; главы 8 и 9, особенно гл. 9 §§ 3 слл. (Стеди, Рамзэй, Больцман, Планк, Тимирязев).

[11]) Гл. 8 §§ 3 слл.; гл. 9 §§ 3 слл. (те же отзывы).

опытных наук—требует согласия *действий мысли с бытием, независимым от мысли* [12]).

8. Чистое мышление, по самому своему понятию, может иметь своим предметом или *общие закономерности* мышления, или те *частные* условные допущения, которые современная наука именует *многообразиями*. Отсюда двоякого рода чистые (формальные) науки: общие закономерности мышления составляют предмет *логики*; ее частные многообразия—предмет разнородных областей *математики* [13]).

9. Как и всякая отрасль чистого мышления, наука *логики* не может выходить за его пределы и не затрагивает никаких вопросов „бытия". Общенаучное значение логики и заключается в том, что она вскрывает и описывает внутреннюю закономерность познающего мышления, устанавливает его многообразные *виды* и показывает *единство* управляющих ими законов [14]).

10. Подобно логике, чистая математика есть наука *формальная* и может соприкасаться с опытными науками только *материялом* для своих построений, но совершенно не зависит от них по своему *методу* [15]). Оставаясь в своей собственной области, исследуя и созидая неисчерпаемый мир многообразий чистой мысли, математика не касается никаких вопросов „бытия"; именно поэтому она дает другим наукам недосягаемые образцы строгих закономерностей мысли, предвосхищает или оплодотворяет многообразные достижения опытной науки и беспрерывно раскрывает *внутреннее могущество* человеческого разума [16]).

11. Многообразный мир бытия является предметом наук *опытных*. Сюда относятся, прежде всего, науки, имеющие своим предметом 1) многообразный мир так-называемой *неорганической* природы (науки *физико-химические*); 2) многообразный мир природы *органической* (науки *биологические*). Оба вида наук имеют своим предметом „*природу*" в узком смысле, т.-е. те явления природы, которые подчиняются „*слепым*" *естественным* законам (науки *естественные* [17]). Им противопоставляются науки, имеющие своим пред-

[12]) Гл. 4 § 4; гл. 5 § 4; гл. 6 § 4 (Грассман).
[13]) Ср. гл. 4 § 4.
[14]) Гл. 4 §§ 4—6; гл. 5 § 5.
[15]) Гл. 5; гл. 6 § 4 (Гаусс, Грассман).
[16]) Гл. 5 § 5 (Кутюра).
[17]) Ср. гл. 8 §§ 5, 5a, 5b; гл. 9 §§ 5, 5a, 5b.

метом человеческое общество, т.-е. своеобразное явление природы, которое обладает способностью *изменять самое природу*, подчиняя ее „слепые“ силы „разумной воле“ человека (науки *общественные*) [18]).

12. *Физико-химические* науки, в итоге многовекового развития, обнаружили, что все явления *неорганической* природы, начиная от атома и кончая „безмерными мирами“, представляют собой только различные ступени *развития* „*материи*“, т.-е. некоторой внешней действительности, способной воздействовать на наши органы чувств (*атомистическое* мировоззрение; закон постоянства вещества; закон сохранения и рассеяния энергии [19]). *Биологические* науки показали, что все виды *организмов* суть особые виды сочетаний *материи* и возникают только на определенной ступени ее развития, начиная новую цепь того же *развития*, подчиненную единому общему закону (*Дарвинов* закон естественного отбора) [20]). Наконец, сравнительно молодая общественная наука показала, что *человеческое общество* представляет собой особый высший вид союза организмов и возникает на определенной ступени органического развития, начиная новую его ступень, подчиненную единому своеобразному закону (*Марксов* закон зависимости общественного целого от экономических отношений) [21]). Неорганическая природа—природа органическая—человеческое общество—оказываются только своеобразными последовательными ступенями связного развития единой *материи* (монизм опытной науки в ее целом; научный *материализм* в широком смысле) [22]).

13. Раскрывая человеческому разуму „слепые законы“, правящие неорганической природой, науки *физико-химические* не ограничиваются ее бездейственным созерцанием. Посвящая человека одинаково и в „тайну атома“, и в тайну „безмерных миров“, эти науки постоянно расширяют наши „естественные“ органы чувств, дополняя их „искусственными“ орудиями. Подчиняя все новые области деятельному вмешательству человека, те же науки дают все необходимые условия для планомерной организации власти человека над природой

[18]) Ср. гл. 11 § 7 (Маркс).
[19]) Ср. гл. 8 §§ 5, 5a; гл. 9 §§ 5, 5a (Рамзэй, Больцман, Планк).
[20]) Ср. гл. 8 § 5b; гл. 9 § 5b (Дарвин).
[21]) Сл. гл. 11 § 7 (Маркс).
[22]) Гл. 12 § 7; гл. 13 § 7 (Энгельс, Больцман, Рамзэй).

неорганической. *Биологические* науки постепенно вступают на тот же путь творческого вмешательства разума в жизнь природы и обеспечивают власть человека над многообразным миром природы *органической*. Таким образом, *естественные* науки превращают человеческий разум из немощного созерцателя „слепой" природы в ее соперника и властелина (роль *эксперимента* в естествознании; научная *техника*) [23]). Наконец, науки *общественные*, вскрывая законы развития человеческого общества, показывают неизбежность его преобразования на началах науки. Становясь руководящей силой в этой борьбе, новая общественная наука превращает человеческий разум из немощного созерцателя общественной стихии в ее укротителя и властелина (*революционный социализм*) [24]). Взятая в целом, опытная наука всеми своими достижениями свидетельствует о неограниченных возможностях *внешнего* могущества человеческого разума.

14. Обеспечивая человечеству в целом неограниченную власть над внешней природой и над самим человеческим обществом, наука обеспечивает и человеческой личности ее высшее благо — наслаждение жизнью во всей ее полноте (научная *этика* и *эстетика*) [25]).

15. Наука чистого мышления (логика и математика) раскрывают *внутреннее* единство и внутреннее могущество научной мысли [26]); науки опытные всеми своими достижениями оправдывают ее внутреннее единство и обеспечивают ее неограниченное *внешнее* могущество [27]). Наука в ее всеобъемлющем целом самодовлеюща; она сама устанавливает свою философию; свою *теорию познания* [28]), свое *учение о сущем* [29]), свое *учение о высшем благе* [30]). Всякая истинная философия науки *внутринаучна*,

---

[23]) Гл. 10 § 7 (Бертло).
[24]) Гл. 11 § 7 (Маркс).
[25]) Гл. 10 § 7 (Бертло).
[26]) Ср. положения 9 и 10.
[27]) Ср. положения 12 и 13.
[28]) Ср. положения 1—7.
[29]) Учение о мышлении: пол. 8—10; учение о „бытии" в узком смысле: пол. 11—13.
[30]) Этику и эстетику, ср. пол. 14

и нисколько не нуждается в дополнительных услугах религии и метафизики [31]).

15. Однако, наука не только не нуждается в сверхнаучных областях—она исключает самое их существование. *Естественные* науки показывают, что развитие природы—неорганической и органической—совершается в силу строгих внутренних законов: единственный бог, способный вмешиваться в их „слепое" действие, есть разум науки, отрицающий бога [32]). Наконец, *общественная* наука обнаруживает, что религия и метафизика сами суть временные явления духовной жизни человечества, свойственные до-*социалистическому* обществу, не организованному на началах науки [33]). „Бог" оказывается созданием человека: если бы бог и существовал, его можно было бы уничтожить.

Сопоставляя науку и метафизику, мы намеренно ограничились, в предыдущих главах, двумя наиболее прочно установленными областями положительного знания — *математикой* и *естествознанием*. Мы намеренно оставили в стороне две важных его отрасли—*логику* и *общественные науки*: по различным историческим причинам, о которых будет излишне распространяться, обе эти отрасли до сих пор еще далеки от научной определенности.

Однако, Спиноза не напрасно говорил, что „истина есть мерило и самой себя и лжи". Намечая общий план великого здания науки на основе прочно установленных данных математики и естествознания, мы тотчас же получили в нем определенное место и для наук спорных. И можно было заранее ожидать, что положение логики и общественных наук в великой семье наук окажется в полном согласии с теми требованиями, которые не раз уже высказывали наиболее передовые течения тех же „спорных" наук—„математическое" направление в логике и исторический матерьялизм в социологии.

---

[31]) Гл. 12 §§ 7—8; гл. 13 §§ 7—8. (Лабриола, Тимирязев, Гольцман).
[32]) Гл. 10 § 7 (Бертло); гл. 12 § 5.
[33]) Гл. 11 § 7 (Маркс).

Оставляя до времени неустановившиеся науки, мы убедились, что для построения общего плана философии науки совершенно достаточно тех указаний, которые мы получили от прочных областей знания: утвердив и осознав собственное научное бытие, определив собственные пределы, они тем самым намечают и действительное место для своих опоздавших собратьев.

В самом деле. Прочная наука чистого мышления (математика) и прочные опытные науки (естествознание) всем ходом своего победного развития выдвигают на очередь создание науки о закономерностях научного мышления вообще. Такова именно наука *логики*. И мы убедились, что живая научная мысль сама намечает основные задания логики: ее отграничение от *психологии* [34]); ее разграничение на *виды* (логику чистых и опытных наук) [35]). Даже более того: сама же научная мысль указывает логике пути решения этих основных ее задач (учение о природе *чистого* и *опытного* мышления) [36]). Обобщения логики и самое ее бытие оказываются обеспечены и предустановлены самой наличностью живого положительного знания.

Так же обстоит дело и с науками общественными. Мы не раз убедились, что современная наука обладает *деятельной* природой: она не только истолковывает мир — она преобразует его. Но в этом и заключается основной признак *человеческого общества*, его своеобразное отличие от других явлений органической природы. Таким образом, наука в целом есть одно из обнаружений творческой деятельности „общественного человека“. Наука в целом есть явление „общественное“. Уже самая наличность научного познания свидетельствует о своеобразии *человеческого общества* и предопределяет особенное существо изучающей его частной науки. Задача общественной науки — объяснить своеобразие человеческого общества и *преобразовать* его на началах науки...

В предыдущем нам уже не раз приходилось указывать, что, вопреки ходячему мнению, метафизические потуги не имеют никакого не только пребывающего, непреходящего, но даже и временного, *исторического* значения. Однако, если это верно в примене-

---

[34]) Ср. пол. 2.
[35]) Ср. пол. 2 сл.
[36]) Ср. пол. 3 и 4.

нии к *метафизике* в целом, не приходится ли смягчить наше суждение в применении к *отдельным метафизикам*? Разве мы никогда не встречаем вдумчивых представителей положительной науки, которые согласны признать, что творцы древней метафизики—Сократ, Платон и Аристотель—внесли свою лепту в сокровищницу действительного познания? Неужели, среди творцов современной математики и естествознания не найдется ни одного почитателя преемников Платона—немецких профессоров метафизики? Неужели нельзя указать ни одного общепризнанного представителя науки, который не согласен признать за потугами метафизиков хотя бы временную *историческую* ценность?... В наши задачи не входит сейчас распространяться о том, какие причины заставляют представителей положительной науки верить на слово крупным фабрикантам всевозможных историй философии (вроде Целлера) или ее мелким разносчикам (вроде Виндельбанда). Но нам уже приходилось отчасти касаться этого вопроса: вспомним хотя бы отзывы Больцмана о немецких метафизиках. И нетрудно было бы показать, что научная мысль *в ее целом* никогда не унижалась до того, чтобы воспользоваться убогим знахарством метафизиков. Она всегда повторяла в ответ на ее предложения гордое слово Спинозы, отзвуки которого мы уже слышали у Тимирязева „Не много значит в моих глазах авторитет Платона, Аристотеля и Сократа. Я был бы удивлен, если бы ты сослался на Эпикура, Демокрита, Лукреция или кого из атомистов и защитников атомов. А стоит ли удивляться, что те, кто выдумал „скрытые качества", внутренние сущности, субстанциональные формы и тысячи прочих нелепостей—измыслили также призраков и привидения и поверили старым бабам, чтобы подорвать авторитет Демокрита" [37]). Метафизики всех мастей и оттенков недаром скрывают это заявление великого философа. Оно одинаково применимо и к Кантовым трансцендентальным понятиям, и к изначалу марбуржцев, и к элементам эмпириокритиков, и к тысячам всяких нелепостей всевозможных Риккертов, Бергсонов и Джемсов. Оно слишком хорошо под-

---

[37]) Non multum apud me authoritas Platonis, Aristotelis ac Socratis valet. Miratus fuissem si Epicurum, Democritum, Lucretium vel aliquem ex Atomistis protulisses etc. Spinozae ep. 56.

черкивает сродство новой научной философии с теми построениями древней мысли, которые доселе так тщетно пытается опорочить и извратить идеалистическая легенда. Эпикурейцы недаром говорили, что они „отвергают всякую метафизику: *естествоиспытателям достаточно применяться к требованиям самих вещей*“ [38]). Устами Рамзая, основоположника самой революционной современной науки—физической химии, истинная научная философия решительно объявила своим духовным отцом величайшего представителя своей древней предшественницы [39]). С презрением отбросив все призывы назад к Канту, Фоме Аквинскому, Августину, Платону и Моисею, она и впредь останется верной своему победному кличу: *„Вперед—вместе с Эпикуром“!*

---

[38]) Cf. ex. gr. Diog. 10, 31: τὴν διαλεκτικὴν ὡς περιττὴν ἀποδοκιμάζουσιν ἀρκεῖν τοὺς φυσικοὺς χωρεῖν κατὰ τοὺς τῶν πραγμάτων φθόγγους.

[39]) Ramsay, l. c. ch. 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Таблица I.

Общее деление наук.

Отдельные науки:

A. *Науки чистого мышления* науки, чьи суждения оправдываются в пределах внутренней закономерности самого мышления и не требуют посредничества чувственной данности).

1. *Логика* (наука об *общих закономерностях* мышления).

2. *Чистая математика* (наука о *многообразиях* чистого мышления).

B. Науки *опытные* (науки, чьи суждения оправдываются, прямо или косвенно, только путем *чувственного* опыта и предполагают бытие мира, *независимого* от мысли.

1. Науки *естественные* (имеющие своим предметом „природу" в узком смысле, т.-е. поскольку она рассматривается как подчиненная „слепым" естественным законам):

a) науки о природе неорганической (науки *физико-химические*, т.-е. науки о „материи" в самом общем смысле);

b) науки о природе органической (науки *биологические*, имеющие предметом „живую" материю).

2. Науки *общественные* (имеющие своим предметом человеческое общество, как своеобразное явление органической природы, обладающее способностью изменять самую природу и подчинять ее „разумной" воле человека).

Философия науки:

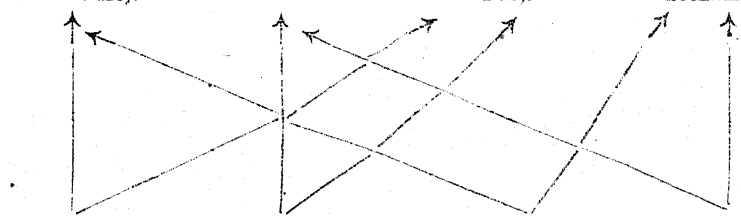
1. Общая теория познания. 2. Общее учение о „сущем". 3) Этика и эстетика.

Таблица II.

Общее деление метафизических предрассудков.

Отдельные предрассудки.

A. Предрассудки учения о познании:		B. Предрассудки учения о бытии:	
a) *Логизм* (мерило познания — *только* мнимое „чистое" мышление).	или b) *Психологизм* (мерило познания — *только* мнимый „чистый" опыт).	c) *Агностицизм* (часть бытия *навсегда* скрыта от *всякого* познания).	или d) *Мистицизм* (часть бытия доступна *только сверхнаучному* познанию).



1. *Трансцендентальный идеализм* (в чистом виде: все бытие есть порождение мысли).	2. *Феноменализм* (в чистом виде: все бытие заключено в ощущении).	3. *Трансцендентный идеализм* (высший вид бытия доступен только сверхнаучному „разуму").	4. *Интуитивизм* (высший вид бытия доступен только сверхнаучному „вчувствованию").

Главные виды метафизики (сочетания основных предрассудков).

Сверхнаучная „философия"

(прямо или косвенно—мистический *фидеизм*, упразднение самодостаточности положительного знания, коленопреклонение перед богословием).

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ